

Елена Кибирева

Лилии Полевыя

Подвиг

*"...Из Всех цветов во вселенной Ты
избрал Себе одну Лилию" (3 Езд. 5, 24)*

12+

Елена Кибирева

Лилии полевые. Подвиг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67104165

SelfPub; 2022

Аннотация

Это пятый сборник рассказов серии «Из архива репрессированного священника Григория Пономарева (1914-1997 гг)». В основу сборника легли рассказы о православных священниках в войну 1812 г, повесть из первых времён христианства «Сын Каиафы», старинные предания, а также поучения отца Григория. Лейтмотив основных рассказов сборника выражают слова героя рассказа «Подвиг», отца Павла из Жерновки: «Врагу – прощать, и мстить ему за зло – любовью...» Все тексты восстановлены и отредактированы православной писательницей Еленой Кибиревой.

Содержание

Предисловие	4
Сын Каифы	16
Глава 1. Пропавший ребенок	17
Глава 2. Геннисаретское озеро. Капернаум.	23
Тит	
Глава 3. Капернаумский сотник Думах	36
Глава 4. Исцеление Стефана и Гого	47
Глава 5. Симон-Петр и Андрей	59
Глава 6. В синагоге и у Симона-Петра	66
Глава 7. Во дворце Каиафы	77
Глава 8. Исцеление прокаженного	89
Глава 9. Исцеление расслабленного	99
Глава 10. Тит у Иаира	111
Глава 11. Путешествие Иаира в Иерусалим	123
Глава 12. Семья Иаира и Каиафы	131
Глава 13. Болезнь дочери Иаира	145
Глава 14. Воскрешение дочери Иаира	156
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Елена Кибирева

Лилии полевые. Подвиг

Предисловие

Пятый сборник рассказов «Лилии полевые» в литературной серии «Из архива репрессированного священника Григория Пономарева (1914-1997 гг.)» подготовлен к изданию за период с 2016 по 2021 гг.

Шестого февраля 2016 года отошла ко Господу Ольга Григорьевна, дочь протоиерея Григория и матушки Нины Пономаревых, внучка святых новомучеников и исповедников Российских архимандрита Ардалиона (Пономарева) и протоиерея Сергия Увицкого. Царствие ей Небесное!

Архив своего отца, митрофорного протоиерея Григория Пономарева, Ольга Григорьевна передала в редакцию «Звонница» в 1998 году, после праведной кончины родителей.

В течение более двадцати лет редакторы курганского издательства «Звонница» работали с рукописями и ветхими машинописными текстами архива, стараясь сохранить и передать православному читателю духовное наследие отца Григория. На основе архива, рукописей и воспоминаний издан двухтомник «Исповедник веры протоиерей Григорий

Александрович Пономарев (1914-1997 гг.). Жизнь. Поучения. Труды»

В настоящее время архив передан в Далматовский Свято-Успенский ставропигиальный мужской монастырь Шадринской епархии, в музей отца Григория и матушки Нины Пономаревых.

Духовные книги в годы репрессий священства в прошлом веке были запрещены богопротивными властями. Но отец Григорий, выезжая на учебные сессии в Духовную Академию северной столицы, привозил из Санкт-Петербурга в Курган тяжелые чемоданы с библиотечными книгами; он перепечатывал под копирку и переписывал вручную сотни и тысячи страниц свято-отеческих рассказов, повестей, притч, древнехристианских легенд и наставлений, сшивая их в самодельные книжицы. Эти тетрадки он дарил своим чадам, давая духовную пищу каждому по его потребе.

Далеко за пределами Курганской области прославил Господь имя отца Григория Пономарева – исповедника веры. В народе батюшку еще при земной его жизни почитали как чудотворца и молитвенника. Его ежедневным, неотступным правилом было – ранний подъем в четыре часа утра, молитвенное стояние с чтением нескольких акафистов и канонов, исполнение намеченного плана по переписыванию десятков страниц духовных текстов, сугубые молитвы по прошениям и запискам, Божественная литургия в храме; далее – требы, поучительные беседы с паствой, хлопоты по храму, хозяй-

ственные заботы... Спать в доме батюшки ложились далеко за полночь.

Во всем помощницей и спутницей отцу Григорию была кроткая и смиренная матушка Нина Сергеевна, урожденная Увицкая. Отец Григорий и матушка Нина прожили вместе более 60 лет и почили во Господе в один день 25 октября 1997 года, явив своей мирной кончиной пример истинно христианской жизни. И отец Григорий, и матушка Нина воспитывались в семьях потомственных священников и с юности стали свидетелями жертвенного служения Богу своих родителей, новомучеников и исповедников, репрессированных в сталинские годы.

О благочестивой жизни отца Григория и матушки Нины написана книга «Во Имя Твое» (2003 год), в основу которой вошли рассказы Ольги Григорьевны Пономаревой о своих родителях и документы из семейного архива.

В 2006 году в издательстве «Звонница» вышел двухтомник «Исповедник веры протоиерей Григорий Пономарев (1914-1997 гг). Жизнь, поучения, труды» (О. Пономарева, Е. Кибирева), в которой были опубликованы новые главы, воспоминания духовных чад, дневник о. Григория и документы следственного дела № 16527 о репрессиях.

Начиная с 2005 года, редакция «Звонницы» подготовила к печати и издала четыре сборника «Лилии полевые...», состоящие из повестей, рассказов и духовных наставлений из архива отца Григория: «Лилии полевые» (2006 год), «Лилии

полевые. Крестоносцы» (2012 год), «Лилии полевые. Покрывало святой Вероники» (2014 год), «Лилии полевые. Царь из дома Давида...» (2018 год, сигнальный экземпляр).

Полные тексты сборников размещены на литературном ресурсе «litres.ru» и доступны для чтения. Книги одобрены Издательским советом РПЦ.

Пятый сборник рассказов «Лилии полевые. Подвиг», подготовлен к изданию в 2021 году. Лейтмотив основных рассказов сборника выражают слова героя рассказа «Подвиг», отца Павла из Жерновки: «Врагу – прощать, и мстить ему за зло – любовью...» (стр. 332 – *ред.*).

Человечность, нравственность, глубина и мотивы подвига, в измерении гуманизма христианской морали, характерна русскому человеку в самой своей сути. Имперский дух, пронизанный догматами православной веры, заложен во многих поколениях нашего народа. Совесть как разговор с самим собой, жертвенность, готовность отдать свою жизнь за други своя, милосердие, умение «врагу прощать и мстить ему за зло – любовью» сокрыты в глубинах русского характера. Все эти черты нашего народа отражены в рассказах второй части пятого сборника. Многие великие умы на протяжении веков рассуждали о том, какой есть по сути «русский» характер и в чем заключается национальная особенность нашего народа. Но чтобы понять до звенящей хрустальной прозрачности русского человека, надо, по мнению редакции, самому по сути стать русским!

В настоящий сборник, по просьбе духовных чад отца Григория, вошли его духовные поучения «Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской души», а также впервые опубликована малоизвестная повесть из первых времен христианства «Сын Каиафы».

Большую часть книг своего архива отец Григорий перепечатывал, используя в ленте печатной машинки печную сажу. Со временем сажа осыпалась, печатные буквы тускнели, так что смысл написанного терялся. Некоторые тексты печатались с сокращениями. Чтобы восстановить ветхие страницы архива, составителю сборника довелось работать в С.-Петербургских научных библиотеках, запрашивая первоисточники из фондов редких книг. Вся работа по восстановлению текстов велась по благословению Преосвященного Михаила, епископа Курганского и Шадринского (+2008 г.).

Одной из самых сложных для подготовки к печати стала повесть из первых времен христианства «Сын Каиафы». Тетрадь с машинописным текстом принесла в редакцию «Звонница» духовная дочь отца Григория Евдокия, уточнив, что перепечатывать текст ей благословил батюшка. Автор повести и год написания рассказов указаны не были. В таком виде, без уточнения выходных данных и первоисточника, публиковать рассказы не представлялось возможным и повесть долгое время лежала не востребованная. Однако, работая в Национальной публичной библиотеке С.-Пе-

тербурга с бумажным каталогом, редактор «Звонницы» обнаружила первую публикацию «Сын Каиафы» в дореволюционном журнале «Отдых христианина». Журнал издавался Всероссийским Александро-Невским Братством Трезвости в Санкт-Петербурге с 1901 года и *«состоял под Августейшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны покровительством»*. Так стали известны выходные данные повести «Сын Каиафы», впервые напечатанной в дореволюционном церковном журнале.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ покровительствомъ
Всероссійскаго Александро-Невскаго Братства Трезвости.

Петроградъ, Обводный кан., 116.

Авторы журнала – приходские священники, епископы, православные писатели и поэты XIX и XX вв.

В одном из первых номеров журнала «Отдых христианина» (в 1901 году) было опубликовано напутствие святого Иоанна Кронштадтского: *«Иди в мир – прекрасная назидательная книга творений братских, христианских, {благожелательных – ред.} души и приноси живые плоды веры в {добродетели – ред.}»*.

Иди всміръ - прекрасный, нѣбес-
ный книга, твореніе блаженнаго
христианина, Благословеннаго

и приноси живыя плоды въ рождѣ-
ніи Божіемъ.

10 ф. 1901.

Протоіерей Іоаннъ
Сергій

Для исследователей архива отца Григория журнал стал неожиданным открытием! Многие рассказы, повести и поэмы из архива отца Григория были впервые напечатаны именно в этом дореволюционном издании.

Рассказы из времен земной жизни Иисуса Христа «Сын Каиафы» опубликованы в журнале «Отдых христианина» без указания имени автора. К публикации дано пояснение: «Впервые этот рассказ появился в Северо-Американских Соединенных Штатах, где в течение нескольких месяцев разошелся в 500 000 экземпляров».

В 1902 году повесть вышла отдельной книгой в серии «Библиотека “Отдых христианина”» с отметкой церковного

цензора «Печать разрешается». Для публикации в настоящем сборнике «Лилии полевые. Подвиг» это имело решающее значение.

На первой странице книги (1902 год, типо-литография М.П. Фроловой) читаем:

ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА

XV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 10. * Октябрь. * 1915 г.

ИЗДАНІЕ

состоящаго подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ покровительствомъ
Всероссійскаго Александрo-Невскаго Братства Трезвости.

Петроградъ, Обводный кан., 116.

«Рассказы из времен земной жизни Иисуса Христа. Отдельный оттиск из журнала “Отдых христианина” за 1902 г., издаваемого Александро-Невским Обществом трезвости, что при Воскресенской церкви “Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви”. Обводной канал, дом № 116, в С.-Петербурге». И далее: «”Печать разрешается”. С.-Петербург, 24-го Марта 1902 г. Цензор, Инспектор С.-Петербургской Духовной Семинарии, Архимандрит Вениамин».

*Печатать разрешается. С.-Петербургъ, 24-го Марта 1902 г.
Цензоръ, Инспекторъ С.-Петербургской
Духовной Семинаріи, Архимандритъ Вѣніаминъ.*

38.36.6.29.

БИБЛИОТЕКА "ОТДЫХА ХРИСТИАНИНА".

СЫНЪ КАІАФЫ.

Разказы изъ время земной жизни
Иисуса Христа.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Отдыхъ Христианина» за 1902 г., издавнаго Александр-Невскаго Общества трезвости, «го при воскресной церкви «Общества распространѣнія религіознаго и нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви (Обводный каналъ, домъ № 116, въ С.-Петербургѣ).

Цѣна 40 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная 6.

1902.

Сверив перепечатку из архива отца Григория с первоисточником 1902 года, автор сборника отредактировала рассказы, дописала утерянные части текста, заказала серию карандашных рисунков и подготовила повесть к новой публикации.

Добавим, что книга с таким названием издавалась в России сектантским библейским обществом в конце XX-го века. Под видом «нового перевода» сектанты исказили смысл и содержание первоисточника с точки зрения православной догматики. Сегодня мы предлагаем читателям восстановленный и заново отредактированный текст повести «Сын Каиафы» и с радостью представляем пятый сборник рассказов и поучений из архива исповедника православной веры, протоиерея Григория Пономарева (1914-1997 гг.) «Лилии полевые. Подвиг».

Просим ваших молитв на последующие издания, а также молитв об упокоении протоиерея Григория Пономарева (и мамы его матушки Надежды), матушки Нины (и мамы ее матушки Павлы) и дочери их Ольги.

Елена Кибирева,

Союз писателей России.

Курган. Великий пост. Крестопоклонная.

Родительская суббота.

10 апреля 2021 года

Сын Каифы

1
«*Не хлебом единым жив человек...*²»

¹ Впервые этот рассказ появился в С.-Америк. Соединенных Штатах, где в течение нескольких месяцев разошелся в 500 000 экземпляров (прим.ред. – *ориг.*)

² Ср. Втор. 8, 3; Мф. 4, 4; Лк. 4, 4

Глава 1. Пропавший ребенок

Печально в богатом и когда-то веселом доме Каиафы. Во всех уголках обширного дома, тенистого двора только и слышны вздохи и громкие рыдания домочадцев Каиафы. Особенно шумно у фонтана: здесь столпилась порядочная кучка женщин. Они, перебивая друг друга, стараются показать, как близко их сердцу горе Каиафы.

– Ах, если бы у нас была какая-нибудь надежда видеть опять тебя, дорогой наш мальчик, – восклицала, ломая руки, седая еврейка.

– Какой добрый и ласковый для всех он был всегда, – говорила другая, но рыдания помешали ей закончить свою речь, хотя ей хотелось рассказать и о том, как, с каким восхищением заглядывались на него прохожие, когда он чинно проходил по улице со своей старой няней. Ей хотелось поведать и о том, как он спас ее чуть ли не от голодной смерти. Но слезы душили ее, она могла лишь только биться своей старой головой о край мраморного бассейна.

– Ведь его мать умрет теперь с тоски и горя, – сказала первая женщина. – Ее любимая служанка сейчас нам передавала с грустью, что госпожа все еще лежит без чувств. Боятся, как бы она не умерла. А ведь Приска тоже исчезла. Не она ли украла Давида?

– Что ты выдумываешь? Быть этого не может! – с ужасом

воскликнули все. — Ведь она любила Давида так, как мать родная любит своего ребенка. Нет! Тут что-то другое!

— Да это и я хорошо знаю, что Приска любила Давида, — защищалась женщина, — но все же, по-моему, страшный грек с мрачным лицом для Приски был милее маленького мальчика. Кто знает, быть может, он и Приску, и маленького Давида увел с собою?

— Да ты, старая Ева, пожалуй, правду проговорила, — сказала няня Давида. — Мне не так давно Малх рассказывал, что видел на днях, как грек стоял с Приской у ворот, озираясь, и чего-то оба боялись. Господин Каиафа их окликнул, но грек отвечал ему грубо на незнакомом своем языке и дерзко смотрел на нашего господина. Тогда Каиафа, наш господин, отдал приказ схватить грека и наказать плетью. Грек был схвачен и страшно избит. Грек — язычник, а наш ненавидит их, и поэтому слуги не жалеют сил и выбирают самые лучшие бичи, когда приходится бичевать язычников. Это было дней десять тому назад. А теперь вот исчезла Приска со своим греком, и исчез наш маленький Давид — сын господина Каиафы.

При этих словах женщины разразились громкими рыданиями. Но еще тяжелее было на душе господина и его жены: потеряв сына, они были убиты горем. Мать Давида только что очнулась от глубокого обморока. Ее испуганные глаза с тоской смотрели на мужа, а с губ то и дело срывался тревожный вопрос:

— Где мой мальчик?

– Я не мог найти ни малейшего следа, – отвечал ей со стоном Каиафа, – несмотря на то, что слуги разосланы по всем направлениям. Малх все утро бегал по городу и даже ночью не прекращал розыск!

– Я должен его найти! – страстно воскликнул он, поднимаясь со своего сидения и быстро шагая по комнате. – Это нельзя перенести! Богом Авраама клянусь крепко отомстить тому, кто совершил это злодеяние! Только кто? Кто стал моим врагом? Кто мог осмелиться похитить маленького Давида – сына первосвященника Каиафы? Кто? Может, это сделано, чтобы получить за нашего сына богатый выкуп? И я заплатил бы его мигом, если бы даже он стоил всего моего состояния! О, если бы только возвратить сына! Моего любимого, единственного сына!

При этих словах несчастный отец разодрал свои одежды и громко зарыдал.

– Не теряй надежды, мой друг, – тихо проговорила жена. – Ведь мы хватились искать его только вчера вечером. Может быть, его еще где-нибудь найдут?

Больше она ничего не могла сказать в утешение опечаленному мужу: ужас сковал ее уста, и ей показалось, что ее бедный маленький Давид, покинутый всеми, валяется где-нибудь мертвый в ущельях Иудейских гор, и на трупный запах сбегаются шакалы, и вот еще несколько минут – и от мальчика не останется ничего! Ужасный крик отчаяния вырвался из груди матери, и вся в слезах, с горькими рыданиями Анна

упала на постель...

Так, в невыразимой скорби проходили час за часом, день за днем, а о пропавшем ребенке не было никакой вести. Дни пролетали, складывались в недели, но по-прежнему искавшие не находили ни малейшего следа мальчика. Проходили месяцы, а за ними своим чередом шли годы. Служанки перестали уже рыдать, разговоры поутихли. Только выражение внутренней муки в глазах матери говорило о скрытом ее страдании, которое трудно было перенести и которое могло закончиться только смертью.

Детей больше у них не было, и в громадных комнатах дворца Каиафы не было слышно ни топота детских ног, ни того веселого смеха, который так радостно заставляет биться сердца родителей. Жена Каиафы, Анна, как тень ходила по опустошенному дому. Тоска и горе заполняли ее больную душу: она никак не могла забыть своего маленького сына. Каиафа, ее муж, господин и повелитель, с каждым днем становился все мрачнее и молчаливее, а свой гнев и раздражение он старался срывать на своих слугах.

Прошло семь лет.

В Иерусалиме был праздник. Однажды в толпе Анна увидела пропавшую без вести служанку Приску; около нее стоял мальчик лет десяти, с черными глазами, черноволосый. Но прежде, чем Анна опомнилась и позвала слуг, Приска исчезла в толпе и, несмотря на тщательные поиски, ее уже не

смогли найти.

– Может быть, это была и не она, – с сокрушением говорила Анна мужу, когда они в сумерках сидели вдвоем в саду. – Из-за покрывала я не могла рассмотреть ее лицо... Но мальчик! О, если бы ты мог видеть, как он прекрасен!

При этих словах в глазах ее заблестели слезы и ее лицо склонилось к плечу мужа.

– Не плачь, дорогая Анна! – утешал ее муж. – Неужели я для тебя не дороже сына?

И Анна с большим усилием постаралась побороть в себе скорбь о потерянном любимце...

Глава 2. Геннисаретское озеро. Капернаум. Тит

День склонился к вечеру, приближались прохладные сумерки. Геннисаретское озеро блестело тысячами разноцветных красок. В ясных водах озера как в зеркале отражалось вечернее небо; на дальнем берегу его виднелись деревья, сквозь густую листву которых в разных местах точно искорки пробивались огни отдаленной деревни. Всевозможных видов судá оживляли озеро. В то время как некоторые из них с белыми и пестрыми парусами покачивались в некотором расстоянии от берега и, казалось, ожидали самого легкого ветерка, чтобы немедленно пуститься в путь, другие под быстрыми взмахами весел легко скользили у самого берега.

Над озером разносились приятные звуки знакомой народной песни, и было ясно слышно, как перекрикивались между собой рыбаки, готовившиеся отплыть на ночную ловлю.

Прекрасен вид Геннисаретского озера, когда в его тихих волнах отражается миллионами искр ласкающее взор чудное, нежное небо с мириадами звезд.

Раскинувшийся по берегу озера Капернаум казался восхитительнейшим уголком земного шара. Его положение у самого берега огромного озера немало облегчало торговые сношения капернаумских горожан с окрестными городами.

Ближайшее к озеру место занимали обширные склады то-

варов и верфи с целыми грудями канатов. Дальше шел сам город Капернаум со своей синагогой, выстроенной из белого и розового мрамора, с широкими площадями и улицами, простиравшимися до самого подножия высокой горной цепи, которая в виде полукруга уступами окружала все озеро.

Одинокий рыбак привязывал свою лодку в бухте, отстоявшей от города в четверти часа ходьбы. Он привык уже к красивым видам своего города. Прелестная вечерняя заря, постепенно уступавшая место сумеркам, нисколько не трогала его. Он думал только о том, как бы только поскорее утолить свой голод.

Наклонившись к лодке, рыбак быстро привязал ее, вынул сеть, вытащил из нее несколько красивых рыб и насадил их на сорванный с ближнего дерева гибкий прут.

Когда он шел домой с сетью на плечах и рыбой в руках, он производил впечатление юноши лет 19-20, довольно крепкого сложения; красивое лицо его сильно загорело и обветрилось, из-под густых темных бровей смотрели выразительные глаза. Черные как смоль кудрявые волосы, орлиный нос и тонко очерченные губы дополняли его портрет. Он был одет в одежду из белого грубого полотна без рукавов, которая доходила до колен и в талии охватывалась поясом из красной материи. Около пояса висел простой небольшой мешок, заменявший карман.

Через десять минут быстрой ходьбы юноша достиг внеш-

ней городской стены, как раз в то время, когда стражи уже собирались запираť ворота, и, когда он быстро проходил в ворота, один из сторожей крикнул ему вслед:

– Эй, малый, ты сегодня чуть не остался за воротами!

– Ну, мне это нипочем, – ответил юноша. – Мне уже приходилось, и очень часто, ночевать на озере. Да и почему ты думаешь, что я не могу проникнуть в город другим путем, не через ворота?

Сторож сделал вид, что хочет его схватить, но юноша со смехом увернулся от него и убежал.

– Ты знаешь этого малого? – спросил сторож своего товарища, громко смеявшегося над его неудачной попыткой.

– Разумеется, знаю, – ответил тот. – Его зовут Титом, и живет он со своим отцом Думахом в рыбном рынке. Они выдают себя за рыбаков.

При этих словах он замолчал и пожал плечами.

– А что ты о них думаешь? – равнодушно спросил другой.

Но привратник сделал вид, что не слышал последнего вопроса, и с особенным шумом стал запираť ворота.

А юноша уже в это время шел по узким улицам города по направлению к своему дому. Через несколько минут он вышел на широкую вымощенную площадь. Здесь стояло множество маленьких лавочек, и при свете факелов можно было понять, что это рынок. У одной из этих лавочек он остановился и начал рассматривать товары, разложенные в небольших коробках.

Здесь были медовые пирожки, сушеные смоковки, вишневые ягоды, финики, маленькие кружки сыра из козьего молока и различные лакомства, вроде орехов и всякого рода свежих овощей.

Хорошенько рассудив, Тит выбрал себе пару заманчивых с виду пирожков, попросил услужливого торговца завернуть их и, заплатив ему несколько медных монет, положил сверток в свою поясную сумку.

Выбравшись с рыночной площади, он вскоре исчез в одной из маленьких узких улиц, что находились во внутренней части города. Здесь были высокие дома, тесно примыкавшие один к другому. Юноша остановился у едва заметной в стене

двери, осторожно оглянулся вокруг и вошел вовнутрь, тщательно затворив за собой дверь.

– Это ты, мать? – спросил чей-то слабый голос.

– Нет, Стефан, это я, Тит. А где же мать?

– Не знаю, – угрюмо ответил тот же голос. – Она пошла к колодцу за водою, да и вот все еще ее нет, а я почти отошл от голода и жажды. Не можешь ли ты, Тит, по крайней мере, вывести меня во двор?

– Конечно, – ответил Тит. – Сейчас я тебя напою

Сбросив на землю сети, рыбу, он выбежал на двор, ярко освещенный лунным сиянием. На одной стороне двора было заметно какое-то темное отверстие, завешенное кожей. Тит, согнувшись, пролез в отверстие и через несколько минут снова появился с мехом воды в руках.

– Смотри, Стефан, что за луна, как она ярко сегодня светит! А вот тебе и вода, хоть и не такая свежая, какую могла бы принести тебе мать!

С этими словами Тит налил в кубок воды из большого кожаного меха и подал его Стефану.

Стефан был калека, и без чужой помощи ему очень трудно было двигаться. На его красивом бледном лице лежала печать тяжелых страданий.

– Вода действительно нехорошая, она имеет дурной вкус, – промолвил бедный больной мальчик, – но все-таки она освежила мне язык и горло. Я рад, Тит, что ты вернулся: теперь, по крайней мере, я могу пойти на кровлю. Сего-

дня был слишком томительный и знойный день, и спина моя страшно болит.

В то время как больной говорил это слабым и жалобным голосом, Тит развел небольшой огонь и повесил над ним на тонком пруте рыбу. Вскоре рыба начала поджариваться и приятный запах распространился на дворе.

– Вот я сейчас обрадую Стефана, – заметил Тит, готовя простую трапезу, и обратился к несчастному:

– Для тебя в моем мешке найдется кое-что хорошенькое.

Глаза Стефана, устремленные на весело пылавший огонек, заблестели.

– А что, я могу своими гостинцами поделиться и с Гого? – спросил он после непродолжительного молчания.

– Могу тебе сказать, что Гого примет это с благодарностью, – с улыбкой ответил Тит. – Я велел доброму продавцу Юстину завернуть пирожок и на его долю. Только ты не вздумай отдать Гого все, слышишь?

– Да, конечно, я и сам буду есть, – отвечал довольный Стефан. – Но если бы ты, Тит, знал, как мне приятно делиться чем-нибудь с мальчиком! Он мне дороже всех лакомств, какие только есть в лавке Юстина. Вот я слышу, кажется, его голос!

С этими словами больной приподнялся на локтях и стал напряженно прислушиваться. Тит на мгновение прервал свое занятие и точно так же начал прислушиваться к звукам соседнего дома, откуда доносился веселый смех и радостный лепет ребенка.

– Да, да, это он – маленький плутишка! – сказал Тит. – Да

он теперь уже совсем удалец!

Стефан воскликнул:

– Да, правда. Ты только представь, Тит, как вчера он перелез через балкон между нашими кровлями и один прибежал ко мне. Он действительно любит меня, – прибавил Стефан тоном полного убеждения.

– По крайней мере, любит пирожки и лакомства, – возразил Тит, улыбаясь.

– Ну, вот и мать наконец! – продолжал он, глядя на открывающуюся дверь.

В это время в дверях показалась высокая фигура с водоносом на голове.

– Где ты была, матушка? – спросил Стефан, увидев мать. – Ты ушла еще перед заходом солнца, и я умер бы от жажды, если бы Тит не достал мне воды из меха; правда, вода была отвратительная, а все же лучше, чем ничего.

Женщина проворно сняла водонос с головы и, наливая в кубок, ласково сказала:

– Ты не должен, дитя мое, делать матери выговоры, это тебе не прилично. Я на улице таких чудес слышала, что время прошло для меня совсем незаметно. Да и толпа у колодца собралась большая, и, разумеется, я была должна ждать, пока до меня дойдет очередь. Добрая Иокунда, наша соседка, слышала от своего мужа чудную историю, которую он принес с рынка. Весь город Капернаум в возбуждении, и этому изумлению нет границ.

– Не лучше ли нам сначала поужинать, мама, – прервал Тит ее рассказ, – ведь Стефан совершенно ослаб от голода! Да и я тоже страшно проголодался. Чудесные истории мы можем послушать и потом.

С этими словами он снял с огня рыбу, а Приска (так звали женщину) принесла тонкие лепешки. Разломив на куски сухую, тонкую лепешку, она разделила куски на три части, в то время как Тит делил на столько же частей рыбу. После этого все трое, положив рыбу на свою лепешку, принялись утолять голод, а кружка свежей воды довершила их бедную трапезу.

Тит ел жадно и с аппетитом...

– Ну вот, Стефан, теперь я снова стал человеком! – воскликнул он. – А ты съел немного больше воробья. Вот подожди, сейчас я тебе достану пряник!

– Тит, ты сначала выведи меня на кровлю, – сказал, умоляя, мальчик, – а туда я возьму пряник.

– Хорошо, подожди только, я сначала снесу туда твою постель. Теперь свежо наверху, и ты заснешь там спокойней.

С этими словами Тит исчез и через несколько минут показался снова с небольшой ношей на плечах.

– Как только устрою тебе там постель, тотчас вернусь и снесу тебя наверх, – проговорил Тит и стал быстро подниматься по грубой лестнице, которая вела со двора на кровлю.

Через некоторое время он спустился, весело насвистывая, вовнутрь дома, осторожно поднял с кучи рыболовных сна-

стей беспомощного Стефана и медленно понес его по лестнице на кровлю. Здесь положил он свою ношу на постель, искусно устроенную им недалеко от края стены.

Мальчик с наслаждением вдыхал в себя воздух и смотрел вверх, на ясное небо, раскинувшееся над ним великолепным шатром. В глубине неба спокойно блистали луна и звезды, а с озера дул приятный ветерок.

– Ах, Тит, – со вздохом заметил мальчик, – если бы не было ночей, я не выдержал бы!.. Ты не можешь себе представить, как надоели мне эти дни, когда положительно ничего нельзя делать. Иной раз не с кем даже и слова молвить!

«А если бы отец был дома...» – страшная мысль промелькнула в его голове. Но вдруг он приподнялся на локтях и крикнул:

– Гого, Стефан пришел! Гого!

Веселый детский смех раздался с соседской кровли.

– Он здесь, – послышался откуда-то женский голос, и вслед за этим на кровле показалась чья-то маленькая фигурка с короткими толстыми ножками и стала приближаться к месту, где лежал Стефан, с восхищением смотревший на ребенка.

– Ты только посмотри, Тит, как хорошо уже может бегать этот милый мальчуган! Иди сюда, Гого, иди ко мне! У меня есть пряник, хороший пряник, с сахаром.

При магическом слове «пряник» маленький человечек пустился бежать, и непременно упал бы, если бы его вовремя

не подхватил на руки Тит. Он посадил его подле Стефана, которому, по-видимому, доставляла особую радость непонятная детская болтовня.

– Лукавый ты у меня, – сказал Тит Стефану, – ведь я же говорил, что тебе придется расстаться со своими пряниками.

Вслед за этим он вынул из своей поясной сумки пряники и пирожки, которые оказались несколько измятыми, и вручил их Стефану.

– Дома твоя мать? – слышался прежний женский голос с соседней крыши.

– Дома, но она еще внизу, – ответил Тит, – и придет сюда, как только справится с хозяйством.

В то время, как он еще говорил, наверху лестницы показалась Приска.

– Добрый вечер, соседка, – сказала она, – иди сюда, если есть время. Сейчас я буду рассказывать, что услышала удивительного у колодца, когда ходила туда за водой.

– Это ты, наверное, говоришь о том Незнакомце, Который творит теперь столько чудес? – спрашивала соседка, опираясь на перила кровли. – Я тоже о Нем кое-что слышала.

Вслед за этим обе женщины уселись спиной к перилам, и началась их беседа...

Глава 3. Капернаумский сотник Думах

– Когда я сегодня пришла в обычный час к колодцу почерпнуть воды, там была уже такая толпа народу, что я вынуждена была волей-неволей ожидать очереди. Невыносимый дневной зной сильно утомил меня, и я присела там на каменную скамью, чтобы отдохнуть, пока дойдет до меня очередь, – рассказывала Приска. – Тут одна из женщин и спрашивает меня про то, что я, Приска, думаю о чудесах, про которые все говорят. «О каких чудесах? – ответила я ей. – Я впервые слышу об этом, и что это за чудеса?». «Я говорю о Чудотворце из Иудеи; неужели ты, Приска, о Нем не слышала? – сказала она мне. – Впрочем, ведь ты не из тех, которые постоянно толкутся на улице; ты сидишь себе преспокойно дома. Я расскажу тебе вкратце, в чем дело: в городе ждут Чудотворца, подобного Которому не было с тех пор, как боги перестали обитать на земле, или, как говорят еврейские женщины, с тех пор, как Моисей вывел еврейский народ из Египта».

– А из какой нации Он происходит? – перебила Приску соседка.

– Говорят, что Он пришел из Иудеи. И соседка Иокунда рассказывала, что Он жил совсем близко от нас, в городе Назарете, и сейчас идет из Иудеи. И в городе Иерусалиме сотворил много чудес.

– Какое же Он сотворил чудо? – спросил Стефан, который до этого времени занимался маленьким Гого и мало обращал внимания на разговор женщин.

– О, Он сотворил великие исцеления, – отвечала Приска. – Говорят, что Он отверзает очи слепым, исцеляет всякие тяжелые болезни; даже таким калекам, как ты, мой бедный Стефан, Он возвращает здоровье.

Стефан крепко прижал к себе Гого, который был уже готов заснуть на его руках, и с оживлением произнес:

– Рассказывай, мама, дальше все, что знаешь!

– Как это ты можешь верить этим пустым разговорам, мама? – сказал Тит. – Ведь на колодце часто сообщают такие вещи, в которых нет ни слова правды.

Тит заметил, какое впечатление произвел рассказ на Стефана, и понял, почему именно.

– Это все не пустяки! – с сердцем возразила Приска. – Знаешь ли ты сотника Азу, который живет в большом доме у озера?

– Конечно, знаю, – угрюмо ответил Тит, – если ты только говоришь о сотнике Ирода Агриппы.

– Да, о нем, – продолжала Приска. – Теперь подумай только: его сын лежал при смерти в лихорадке, все городские врачи уже оставили его и каждый час ждали его неминуемой смерти. И вот отец его, сотник Аза, услышал о том, что ты называешь пустяками, и так уверовал в это, что сам отправился и отыскал Иисуса – таково имя Этого Чудотворца Назаряни-

на. В городе Кане он встретил Его и прямо изложил Ему свою просьбу. Назарянин милостиво выслушал его и сказал ему только, чтобы он с миром возвратился домой, и что сын его будет жив. И действительно, когда он приближался к своему дому, слуги выбежали ему навстречу и радостно возвестили, что сын его находится на пути к выздоровлению, и отец понял, что в тот самый час, когда Чудотворец сказал сотнику, что сын его будет жив, юноше действительно сделалось лучше.

– А то, что эта история истинная, я знаю, – подтвердила соседка. – Двоюродный брат моего мужа находится на службе у сотника. Он был даже одним из тех, которые впервые возвестили своему господину о выздоровлении юноши; он обо всем этом рассказывал почти в тех же выражениях, какие мы сейчас слышали.

Но Тит упрямо возразил, что, может быть, совсем уж не так было худо юноше и он мог бы поправиться без этого, так как не все же умирают от лихорадки.

– У меня самого была лихорадка сильная, но я, однако, жив и по сей час!

– Пусть так, – возразила Ада (так звали соседку), – об этом никто и не спорит, но с сотниковым сыном дело далеко было не так просто: он непременно бы умер, потому что у него по всему телу были черные пятна, а это уже признак того, что о выздоровлении не может быть и речи. Наш двоюродный брат ухаживал за ним и собственными глазами видел

эти пятна. И как раз в то время, когда все думали и видели, что юноша находится при последнем издыхании, он внезапно открыл глаза и потребовал воды; выпивши воду с видимым удовлетворением, он повернулся и заснул спокойно и мирно, как малое дитя. Когда после нескольких часов такого освежающего сна больной проснулся, то был совершенно здоров! Разве это было не чудо?

– Да, это действительно чудо, – согласился наконец Тит. – Что же Он еще сделал?

– Да вот, говорят, что в Кане в прошлом году тоже произошло чудесное событие, муж мой слышал о нем на рынке, – ответила Ада. – Рассказывали, что на одной тамошней свадьбе внезапно вышло все вино. Когда Мать этого Иисуса сказала Ему об этом, Он приказал наполнить водой несколько больших сосудов и потом превратил эту воду в вино. Человек, который рассказывал на рынке об этом чуде, сам присутствовал на свадьбе и пил это претворенное вино. Обо всех Его чудных исцелениях, претворениях теперь только и говорят повсюду.

– Как же Он совершает исцеления? – спросил Стефан.

– Этого никто не знает, но, во всяком случае, здесь действуют какие-то сверхъестественные силы! Также проповедует Он странное учение. Между иудеями ходит слух, что это воскрес один из великих пророков!

– Он что, теперь у нас в городе? – спросил дрожащим от волнения голосом Стефан.

– Здесь ли Он, я не знаю, – ответила ему мать, – народ у колодца говорит, что Он непременно придет!

– Как ты думаешь, мама, мог бы Он исцелить меня, если бы пришел сюда? – тихо спросил Стефан.

– Оставь ты лучше все эти надежды! – сказал Тит. – Только лишний раз разочаруешься, если будешь об этом думать, так как, если эти истории произошли и на самом деле, то,

наверное, Он исцеляет только богатых и знатных людей, вот как, например, сына сотника Азы. И, поверь мне, раз Он иудей, то не станет исцелять язычников. Разве ты не знаешь, как иудеи нас ненавидят? – продолжал Тит, скрипя зубами. – Один из них вчера даже плюнул на меня, когда я нечаянно зацепил его своей сетью. Я мог бы, кажется, со злости убить его тогда. И если он еще раз осмелится сделать это, я его непременно доконаю.

– Я тоже терпеть не могу иудеев, – прибавила Ада, – но Этот составляет, кажется, исключение из остальных. Известно, по крайней мере, что Он не делает ни малейшего различия между богатыми и бедными. Наоборот, в Иерусалиме Он исцелял большей частью нищих, и многие из них были иноплеменниками.

– Я непременно буду просить у Него помощи для тебя, мой бедный Стефан, когда Он придет сюда! – воскликнула растроганная Приска, едва сдерживая рыдания. – О, сколько бы я отдала, чтобы видеть тебя крепким и здоровым, дитя мое!..

– Послушай, – перебил ее в это время Тит, – кажется, кто-то идет.

Все мгновенно затихли. На улице слышались шумные голоса и громкий смех, и вслед за этим низенькая дверь в стене отворилась и человек десять или двенадцать ввалились во двор.

– Эй, жена, где ты? – раздался со двора грубый голос.

– Я здесь, – покорно ответила Приска и стала спускаться по лестнице, а Ада, соседка, поспешно взяла из рук Стефана спящего ребенка, завернула его в складки своего платья и через перила начала перебираться на кровлю своего дома.

– Ну, скорей давай нам чего-нибудь поесть! – закричал муж Приски. – Мы здорово проголодались и вовсе не намерены ждать, слышишь?

– Не бойся, – шепнул Тит Стефану, который при первых же звуках грубого голоса с испугом спрятался под одеяло. – Ты побудь здесь, а я сойду вниз и помогу матери. Да не беспокойся же, – успокаивал он Стефана, который робко схватился за полу верхнего платья Тита, – он ничего тебе не делает. Они наедятся, напьются, а потом уснут или уйдут в город опять бесчинствовать. Пусти же меня и не бойся!

И, оставив на кровле дрожащего от страха Стефана, Тит быстро сбежал по лестнице вниз.

– Ба, и ты тут, паренек! – воскликнул Думах, увидав Тита. – Ну-ка достань нам поскорее винца!

Тит принес полный мех вина и начал разливать его по кубкам.

– Фу, что за гадость! – проговорил один из присутствующих и плюнул на пол.

– А ты, наверное, вспомнил вкус вина, которое мы вчера отбили у самарийского купца? – сказал со смехом другой.

– Вот чудак-то он, – снова заговорил первый, – как он кричал, вися на вертеле и видя, что мы роемся в его товарах! Я

чуть не помер от смеха!

– Но ручаюсь, что там... теперь его никто не услышит, – проговорил третий. – А ловко же мы его уколошили. Да и не одного его так!

– А ты, домосед, много теряешь, – сказал Думах, обращаясь к Титу. – Истинно говорю, много!

– Да ты же сам не позволяешь мне ничего иного делать, – возразил Тит. – Ты приказал мне идти ловить рыбу, и, когда я возвратился, ты уже исчез.

– Да, да, это верно, – ответил Думах. – Мы от тебя действительно удрали, потому что нам нужно было кое-что сделать. Ну, скоро мы посвятим тебя в наши дела, ты уже вырос и сможешь теперь сам доставать себе добычу.

– Что мне в добыче! – воскликнул Тит, и его большие черные глаза заметали искры. – Я хотел бы только участвовать в бою, особенно если дело пойдет с иудеями.

Его слова были встречены дружным смехом всей шайки.

– А парень-то у тебя ловкий, – заметил один из шайки Думаха.

Дальнейший разговор прерван был сообщением Приски о том, что ужин уже готов. Все тотчас же набросились на еду, и некоторое время ничего не было слышно, кроме жадного жевания пищи и бульканья вина. Когда звериный голод был утолен, языки едоков снова развязались и началась оживленная беседа.

– Так Этот Человек должен быть здесь? – спросил один из

шайки Думаха.

– Да, здесь, и за Ним следует всегда большая толпа народа, так что завтра мы, наверное, увидим в Капернауме какие-нибудь чудеса, – ответил Думах.

– Да-да, чудеса! – подхватил другой. – Блост говорил мне, что когда Этот Чудотворец был в Иерусалиме, то за Ним ходила огромная толпа народа, как какое-нибудь стадо, и при этом, конечно, все напрочь забывали, что двери их домов остаются совершенно открытыми.

– Ну, разумеется, наше дело – входи и бери, что хочешь. Жители Иерусалима волнуются в это время, точно безумные. Тем лучше для нас! Если и жители нашего Капернаума последуют их примеру, то мы наживем хорошую добычу, – говорил Думах. – Между прочим, я сам был свидетелем одного Его чуда. Нищий, давно уже ослепший, расслабленный и покрытый проказою, сидел в одном углу на торговой площади, и в это время проходил Этот Чудотворец. Слепец, услышав, что Он идет, закричал: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй меня!». Тогда Иисус подошел к нему и коснулся его, и тот слепец быстро встал и стал совершенно здоров и зряч!

– Если Он и в этом городе совершит такие чудеса, – сказал еще один член шайки, – то, наверное, весь город придет в волнение!

– Я тоже так думаю, Гест! – ответил Думах. – Люди говорят об Этом Человеке, что Это Илия, а кто этот Илия, я не знаю. Другие говорят, что это один из древних иудейских

пророков, который должен восстать из мертвых; однако никто не знает о Нем ничего точного и определенного.

– Теперь у Него довольно много приверженцев, так что, пожалуй, Он скоро поднимет восстание.

– О, если бы до этого дошло! – воскликнул еще кто-то из шайки. – И если начнется война, то ненавистному Риму наступит конец! Помните, как в прошлом году они поймали несколько наших молодцев и пригвоздили на кресте? Ах, чтоб они погибли, проклятые, со своими законами!

Слова эти были встречены громкими криками и одобрением. Но Думах жестом прервал этот шум.

– Пустые же вы головы, – сказал он. – Раз мы сюда попали, то будем сидеть как крысы в ловушке!

Было уже за полночь, пирующие в доме постепенно стихали и один за другим погрузились в глубокий сон.

Около часу ночи Приска пробралась по маленькой лестнице наверх. Стефан еще не спал.

– Мама, – зашептал он, – я слышал все, что о Нем говорили. Он ведь действительно уже у нас в городе!

– Да, Он здесь, Стефан, и, если только будет возможность, ты непременно увидишь Его! Я уж это устрою, обещаю тебе, мой дорогой мальчик! – тихо говорила Приска, ласково глядя на сына.

Утомленные глаза Стефана смыкались, дыхание его делалось все ровнее, сон постепенно овладевал им. Но Приска

еще долго лежала с открытыми глазами и вспоминала то время, когда ее сын был здоровым, красивым мальчиком, пока грубый удар кулака по нежной хребтовой кости не сделал несчастного ребенка калекой. И бессильная ненависть к Думаху вновь охватила все ее существо.

Глава 4. Исцеление Стефана и Гого

Когда Стефан на следующее утро проснулся, он снова уже очутился за ненавистным для него кожаным занавесом. Протерев в полутемноте глаза, он понял, что его оставили одного.

«Отец, конечно, ушел уже со своей шайкой, – тихо рассуждал он сам с собой, – и теперь я могу, по крайней мере, успокоиться. Тит тоже ушел на рыбную ловлю, а мать, наверное, пошла на колодец за водой».

Полутемное пространство, в котором он лежал, было обыкновенным жилищем, в каких еще и до сих пор живут на востоке бедные люди. В грубых, выбеленных известью каменных стенах не было ни одного окна и единственное отверстие, служившее дверью, было завешено упомянутой уже кожей. Кожа эта была во многих местах порвана и пропускала в темную комнату несколько солнечных лучей, что доставляло Стефану немалую радость; по этим лучам он мог, по крайней мере, хоть приблизительно считать время, всегда казавшееся ему страшно долгим. Когда желтые лучи падали на противоположную к двери стену и освещали потемневшие кожаные меха с вином, было около девяти часов утра.

Когда солнце поднималось по небу выше, лучи опускались по стене и падали на пол, оставляя здесь желтые светлые следы, вид которых всегда радовал сердце маленького Стефа-

на, хотя пол, на который падали солнечные лучи, состоял из простой утрамбованной земли.

Горестное чувство охватывало мальчика-калеку всякий раз, когда с приближением вечерних сумерек начинали постепенно исчезать солнечные лучи. Но это горестное чувство уступало место неподдельной радости по мере приближения ночи, когда для Стефана наступали лучшие часы его жизни – долгие прохладные часы на кровле его дома. К этому времени возвращался с рыбалки Тит, и, что было для него важнее, приходил к нему на кровлю любимец Гого – его маленький друг. И теперь, лежа на своей постели и наблюдая за молю, кружащейся в солнечном просвете, он вспомнил Гого.

«Как нежны его маленькие, пухленькие ручки, щечки с глубокими ямочками, точно лепестки розы, – думал он... – Но лучше всего в нем темно-карие глаза с шелковистыми, длинными ресницами и золотистые локоны пушистых волос, наполовину прикрывающие розовые ушки. Его голосок приятней птичьего щебетания! Ничего в мире нет, наверное, краше маленького Гого».

Так размышлял Стефан, перебирая в уме одно за другим различные достоинства своего несравненного любимца.

В то время как он был погружен в свои размышления, кто-то осторожно открыл кожаную занавесь и тихо вошел внутрь. Это была Приска.

– Ты принесла свежей воды, мама? – спросил Стефан, немного приподнявшись на своей постели.

– Нет, сынок, у меня еще не было времени сходить на колодец, – и с этими словами она поспешно повернулась к нему.

– Что с тобой, мама? – спросил нетерпеливо Стефан, так как вид матери его поразил. – Опять отец тебя бил?

Он давно уже привык видеть свою мать в слезах, но сегодня ее вид в особенности поразил его.

– Нет, дитя мое! – быстро ответила она. – Отец с товарищами ушел еще ранним утром и захватил с собой Тита, но меня мучает не это, а гораздо худшее! Я боюсь тебе даже сказать, сынок... – Она в изнеможении опустилась на скамью и громко зарыдала.

– Мама, милая мама, скажи же мне скорее, что случилось?

– Лучше бы от тебя это скрыть, мой мальчик, но, наверное, это невозможно сделать! Сегодня утром соседка прибежала ко мне и сообщила, что мальчик Гого... – и Приска снова зарыдала.

– Ради Бога, – простонал Стефан, – скажи, что с ним, мама?.. Он умер?!

– Нет, не умер, – ответила Приска. – Но лучше было бы, если бы он умер. По крайней мере, он не испытывал бы никаких страданий. Ада рассказала мне, что сегодня ночью она спала с ребенком на кровле, а утром ее разбудил непонятный глухой удар во дворе. Проснувшись от этого звука, она увидела, что сына нет подле нее. Она подскочила к перилам и... – Приска снова закрыла лицо руками и зарыдала.

– Несчастный мальчик Гого! – продолжала она прерывающимся от рыданий голосом. – Он проснулся раньше матери, потом подошел, наверное, к краю кровли, к тому месту, где перила были немного разрушены, и оборвался, свалившись вниз на камни. Он страшно разбился и едва ли проживет дольше дня. Я снова сейчас пойду к Аде, чтобы утешить ее в горе, хотя, конечно, никакая помощь ее беде уже не поможет.

Стефан молча выслушал этот страшный рассказ, и когда мать взглянула на него, то невольно испугалась бледного, искаженного лица сына.

– Мама, – простонал он, – я не смогу этого перенести!

– Стефан, сынок мой, ведь ты мое любимое дитя. У меня нет никого на свете дороже, чем ты. Только не плачь, мой дорогой мальчик!

– Нет, мама, прошу тебя, иди к нему, – начал упрашивать мать Стефан, – может быть, ты сделаешь там что-нибудь, чтобы облегчить ужасные страдания маленького Гого! Иди, мама, поскорее!

Приска проворно достала немного хлеба, сушеных фруктов и воды, поставила все это перед сыном и быстро ушла.

– Как только произойдет какая-либо перемена, я тотчас вернусь назад! – сказала она, уходя...

Оставшись один, Стефан некоторое время находился в состоянии какого-то отупения. Его любимец, его маленький Гого лежал где-то окровавленный и беспомощный. Неужели он больше никогда не увидит его... А его милые маленькие ручки! Неужели они не будут уже касаться розовеньки-

ми пальчиками его щек?

– Нет, я не могу это спокойно перенести!

И вдруг, несмотря на то, что от удручающей его скорби он был почти без чувств, в воображении Стефана внезапно вырос образ чудесного Назарянина.

«Он в городе; может быть, даже недалеко отсюда. Ведь Он мог бы исцелить маленького Гого! О, только бы поскорее пришла мать! Она могла бы найти Этого Чудотворца! Но ее здесь нет, и она, наверное, не скоро придет, а Гого теперь, может быть, совсем умирает?! Ах, если бы я мог хо-

дить! Или, по крайней мере, хотя бы ползать! Нужно попробовать, я же должен что-нибудь сделать для его спасения! О, мой Гого! Мой Гого!».

Мальчик предпринял отчаянную попытку. Он мог немного ползать, но за последнее время все его попытки передвигаться таким путем только значительно усилили его болезнь, так что мать строго запретила ему ползать по земле. Тем не менее, он стал медленно слезать с невысоких нар, на которых лежал до сих пор.

Малейшее движение отзывалось для него мучительной болью в спине. Терпеливо перенося боль, он добрался наконец до двери. Теперь ему предстоял трудный путь через двор. Но что, если он будет не в состоянии открыть входную дверь на улицу? При одной только мысли об этом крупные капли пота выступили у него на лбу. Еще несколько усилий – и он наконец у двери. К счастью, она оказалась не закрытой. Стефан без особых усилий отворил ее и вскоре очутился на улице. Здесь он на мгновение остановился и начал соображать, что ему делать.

В конце улицы находился рынок. «Попытаюсь пробраться туда, – решил он. – Там я, наверное, увижу Его».

Улица, по которой он полз, была так узка, что, стоя на середине ее, можно было коснуться руками стен домов. Ни одного человека не было видно на ней. Какой путь вел к рынку? Стефан не имел даже представления, в какую сторону ему направиться. Он знал только, что дорога, по которой он

полз, ведет к озеру.

– Буду держаться хоть этого направления! – произнес он вслух и начал с трудом передвигаться по улице.

Он почти задыхался от пыли. Маленькие острые камешки беспрестанно попадались ему на пути и до крови ранили его тело, а солнце невыносимо палило голову.

Через несколько минут он остановился, чтобы перевести дыхание. Сердце его усиленно билось, в глазах темнело, но он видел, что рынок уже недалеко. Ему показалось даже, что он слышит голоса какой-то толпы. Но, может быть, это только шум в ушах?

Еще одно усилие, на этот раз особенно значительное – и Стефан очутился на конце улицы. Отсюда, с таким же чрезвычайным усилием, ему удалось наконец добраться до рыночной площади.

Здесь были лавочки с различными товарами, больше всего, впрочем, с сушеной рыбой. Стефан вспомнил теперь, что когда-то давно он все это видел, Тит приносил его однажды сюда. На рынке сейчас было много народа, толпились продавцы и покупатели всех возрастов, но среди этой толпы Стефан не мог заметить ни одного человека, который бы хоть сколько-нибудь походил на Чудотворца. Никто не обращал внимания на маленькое бедное существо, безмолвно лежавшее на земле. Какой-то человек прошел мимо него с большой корзиной сушеной рыбы. Увидав мальчика, он что-то сердито пробормотал о нищете и пошел дальше.

Состояние Стефана с каждой минутой ухудшалось, боль в спине становилась невыносимой. Кроме того, он совершенно обессилел от жажды. И все-таки он продолжал испытывающим взглядом осматривать каждого проходящего в надежде найти наконец незнакомого ему Назарянина-Чудотворца.

Вдруг, к своему величайшему ужасу, он заметил, что к нему приближаются три свирепые, полудикие собаки, которых так много встречалось на базарных площадях!

– Мама, мама! – закричал он громко и от дикого страха и беспомощности закрыл лицо руками.

В тот же миг ему показалось, что кто-то говорит с ним. Раскрыв глаза, он увидел в ярком солнечном свете стоявшего перед ним Человека. Что-то особенное было во всем существе Незнакомца – такое, что сразу успокоило несчастного, лежавшего в пыли мальчика и заставило его смотреть на Иисуса с благоговейным трепетом.

Лицо Его было удивительной, чудесной красоты, а в глазах светились необыкновенные любовь и милосердие. «Это никто иной, как Иисус! Значит, Гого спасен!» – подумал Стефан, с радостным криком приподнялся и, протягивая к Незнакомцу руку, воскликнул:

– Ты – Иисус Спаситель! Я это знаю! Значит, Ты можешь исцелить моего маленького Гого! Он упал с кровли и теперь лежит при смерти.

Чудная улыбка озарила лицо Незнакомца, Он поднял глаза к небу и произнес:

– Благодарю Тебя, Отче, что Ты утаил это от мудрых и разумных мира сего, а открыл младенцам!

Он снова с состраданием и нежностью взглянул на Стефана и, ласково положив руку ему на голову, сказал:

– По вере твоей да будет тебе! Иди с миром!

В тот же момент боль, усталость и слабость оставили мальчика. С радостным криком, не понимая, что с ним самим только что произошло великое чудо, он поднялся на ноги и почувствовал, что совершенно здоров.

«Истинно говорю вам, блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7).

Глава 5. Симон-Петр и Андрей

Короткая летняя ночь истаивала. Луна скрылась в ночи и звезды постепенно потеряли свой блеск, а на восточной стороне неба уже показалась первая предвестница наступающего дня – слабая розовая полоска утренней зари. Над озером дул прохладный ветерок, довольно сильный, раскачивающий две рыбацкие лодки и постепенно увлекающий их от берега.

Сидевшие в одной из этих лодок осторожно вытаскивали из воды сети и внимательно осматривали их в надежде найти какую-нибудь добычу, но в сетях не оказалось ни одной крупной рыбы, и только кое-где в петлях сети трепетались маленькие рыбешки.

– Ну, сегодня нам, наверное, ничего не поймать! – сказал один из рыбаков, выбрасывая пойманную мелочь.

– Ведь я же говорил, – начал другой, – что когда подул ветер с этой стороны, нам нужно было остаться дома. Кликни-ка другую лодку, Симон, авось они что-нибудь поймали?

Вытащив из воды последний конец сети, Симон встал и крикнул по направлению к другой лодке:

– Эй, поймали вы что-нибудь, или нет?

– Ничего не поймали, – послышалось в ответ.

– Так я и знал, – заметил сидевший, который был братом Симона, и звали его Андрей. – Давай поставим парус и поедем домой! Впрочем, может быть еще раз закинем сети в

маленьком заливчике, что близ города? Там иногда хорошо попадается.

Вскоре якорь был поднят, поставлен на место огромный, похожий на крыло, парус, и тяжелое судно легко заскользило по волнам. Оба рыбака уселись у руля.

– Ты можешь отсюда увидеть, что они там делают? – спросил Симон после некоторого молчания.

– Они тоже поднимают парус, – ответил Андрей. – Наверное, и они хотят бросить ловлю.

– А знаешь ли, – вдруг сказал Симон оживленно, – о чем я сегодня думал всю ночь?

– Как же я могу знать это? – ответил Андрей. – Ты сегодня в основном молчишь, и это удивительно, ведь раньше ты никогда не скупился на слова!

– Я целую ночь думал о Назаряnine, – начал Симон, – и для меня теперь совершенно безразлично, поймали мы или не поймали рыбы. Наступают, может быть, знаменательные дни, и, скорее всего, мы совсем оставим ловлю...

– Оставим ловлю? – в изумлении повторил Андрей. – Как же это возможно?

– А что, – ответил Симон, – в сущности, мы имеем значительный доход, который приносит нам за последнее время виноградник. Жены наши довольствуются немногим, много денег нам, разумеется, не нужно, и если бы мы оставили рыбную ловлю, то могли бы навсегда остаться при Нем!

– А ты, брат, уверен, что Он нас примет? – спросил Ан-

дрей.

– Ну, положим, я не уверен в этом, но, по моему мнению, должен же Он иметь около Себя кого-нибудь? Разве ты не знаешь, что в последнее время некоторые фарисеи и саддукеи открыто выступают против Него?

– Да, Он и на самом деле мало уважает их законы и обычаи. Но я помню, что о Нем сказал Иоанн, – прибавил Андрей. – Он дважды говорил в моем присутствии, (первый раз перед крещением Его в Иордане, а другой раз после крещения): «Се Агнец Божий!». Вот его буквальные слова, и Иоанн твердо уверен, что Иисус есть Мессия. Может быть, ты и прав, Симон, мы должны оставить ловлю! И если Иоанн не ошибается, что Он действительно обетованный Мессия, то мы должны быть там, где Он, всегда, и в особенности теперь, когда Иоанн находится под стражей и мы не знаем, что с ним будет.

– Дай Бог, чтобы Ирод не обратил внимания и на Учителя! Аминь! – пылко произнес Андрей.

После этого они оба замолчали, слышен был только плеск воды. С каждой минутой становилось все светлее и светлее, и наконец на восточной стороне горизонта из-за цепи высоких голубых холмов выглянуло яркое солнце. Вдали показались одетые легким туманом башни и стены красивого Капернаума.

Приблизившись к берегу, братья увидели здесь толпу народа: одни сидели вокруг на камнях, другие расхаживали взад и вперед. Очевидно было, что это не рыбаки, обыкновенно приходившие сюда по утрам чинить свои сети и лодки.

– Что бы это значило, зачем здесь столько людей? – спросил Андрей.

Симон пристально взглянул на толпу и с видимым волнением произнес:

– Если не ошибаюсь, здесь Учитель, а народ собрался во-

круг Него слушать, что Он говорит. Вперед, Андрей! Нам нужно воспользоваться представившимся случаем.

Приблизившись к берегу, Симон сошел на землю и начал привязывать лодку, Андрей ему помогал. Иисус увидел их пустую лодку, вошел в нее и попросил Симона отплыть немного от берега. Затем Он сел и начал с лодки учить народ. Мы не знаем, о чем Он учил в это ясное летнее утро, знаем только, что это были глаголы вечной жизни. Когда Он сидел здесь под тенью большого паруса и Его голос, ясный и приветливый, раздавался над озером, народ сердечно умилялся, а дети протягивали к Нему свои ручонки. И эта необыкновенная любовь одушевляла многих!

Среди народа стояли здесь две женщины: одна с маленьким ребенком, с Гого, другая – с мальчиком лет четырнадцати. Это был Стефан. Когда Иисус говорил, то Стефан радостно улыбался и тихо шептал: «Ты исцелил меня! Я люблю Тебя!».

Через некоторое время Господь, обратившись к Симону и Андрею, сказал:

– Отплывите в глубину и закиньте сети!

Симон ответил:

– Господи, мы трудились целую ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему я снова закину сеть.

А когда они исполнили то, что сказал им Иисус, то вытащили сети с таким множеством рыбы, что сеть начала даже прорываться.

И тогда они сказали товарищам с другой лодки, чтобы они пришли помочь им, и те пришли и наполнили обе лодки так, что они начали тонуть.

Увидев это, Симон припал к ногам Иисуса и сказал:

– Выйди из моей лодки, Господи, потому что я человек грешный.

Ибо ужас объял его и всех с ним бывших от этого лова рыбы...

И сказал тогда Симону-Петру Иисус:

– Не бойся, отныне будешь ловцом человеков!

И, вытащив обе лодки на берег, они оставили для людей весь свой улов, а сами последовали за Дивным Учителем...

Снова настала ночь и с нею – покой. При солнечном заходе звуки храмовых труб возвестили наступление «дня покоя» (*суббота, – евр.*). Работы везде прекратились; земледельцы предались отдыху, торговые лавки были закрыты, а рыбацьи лодки давно вытащили на берег.

Город уже спал.

Только на одной пустынной скале вблизи города стоял в молитвенном положении Человек, с лицом, обращенным к небу... Под Ним был мир с его греховностью, слабостью и невежеством.

Над Ним – Бог.

Он – посредник между Богом и этим грешным миром.

Глава 6. В синагоге и у Симона-Петра

В местной синагоге раввин нараспев вычитывал восемнадцать молитв, которыми постоянно начиналось здесь богослужение. Присутствующие выслушивали их с благоговейным вниманием и в конце каждой молитвы говорили: «Аминь». Но по другую сторону решетки, где сидели женщины и дети, слышался тихий говор и шум. Женское отделение было заполнено народом; одни стояли, другие сидели на корточках у стены.

Для многих молитвы и псалмы раввина были непонятной речью. Большинство из пришедших раньше никогда не были в синагоге, хотя им часто случалось проходить мимо и любоваться этим великолепным зданием, сложенным из белого и розового мрамора. Но сегодня синагога была набита битком: разнесся слух, что сюда придет великий Чудотворец, и надежда увидеть какое-нибудь новое чудо привлекала сюда толпу любопытных.

Иудейские женщины с нескрываемым негодованием смотрели на иноплеменниц с детьми, занявших здесь чуть не самые лучшие места.

– Зачем здесь эти безбожные жены? – шептались они. – Если даже Этот Человек и Мессия, то Он пришел, конечно, не для них.

Но вот, когда молитвы и установленные чтения из зако-

на и пророков закончились, после обычного вопроса раввина: «Не желает ли кто-нибудь говорить?» – при безмолвной тишине всех присутствующих выступил на средину великий Чудотворец. Глаза всех устремились на Него, и, когда Он заговорил глаголы вечной жизни, небесный свет, сиявший на Его лице, казалось, и в темноте проникал в самые сердца присутствующих.

В благоговейном молчании люди вслушивались в каждое слово, исходившее из уст дивного Незнакомца. Все ясно понимали, какая глубокая разница между Его речью и запутанными хитросплетениями речи их раввина. Даже дети, как ни мало понимали они Пророка, преисполненного Божественной любовью, не спускали глаз с Его сияющего лика. И вдруг среди этой священной тишины вскочил с пола один из присутствующих и не своим голосом закричал:

– Что Тебе до меня, Иисус, Сын Вышнего? Зачем Ты пришел мучить меня? Я знаю, кто Ты, Святый Божий!

При этих словах поднялась невообразимая суматоха: женщины закричали, дети заплакали, а мужчины неистово завопили:

– Он одержим нечистым духом и сквернит синагогу! Вон его, вон!

Установивши одним словом прежнюю тишину в собрании, Иисус обратился к бесноватому, которого едва сдерживали трое самых сильных мужчин:

– Дух нечистый, выйди из этого человека!

С громким криком больной упал на пол и стал судорожно биться, но через несколько минут, к великому изумлению всех присутствующих, он поднялся спокойным и совершенно здоровым. Весть об этом чудном событии распространилась по всей стране, так как все присутствующие уже давно знали этого неизлечимого больного, который вмиг выздоровел на глазах всех присутствующих. И всякий раз, как только представлялся к тому случай, люди рассказывали своим друзьям и соседям о чуде, свидетелями которого они были.

– Мама, – говорил в тот же вечер Стефан матери, – трубы уже давно возвестили покой, солнце зашло. Не выйти ли нам на свежий воздух? Может быть, снова где-нибудь увидим Этого Иисуса?

– С удовольствием, мой мальчик, – ответила Приска сыну. – Действительно, я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил так, как Этот необыкновенный Человек! Все произошло так чудесно, что мне и до сих пор кажется, будто я в бреду; я никак не могу поверить, что ты, мой сынок, действительно стал здоровым и крепким по одному Его слову!

– А ведь вот случилось же так, мама! – произнес Стефан с радостным смехом. – Ты посмотри только, мама, как я могу прыгать! В спине я не чувствую теперь ни малейшей боли, и потрогай сама, какие у меня теперь крепкие мышцы! Ах, мама, как бы мне хотелось чем-нибудь отблагодарить Его! Когда там, в тот ужасный и счастливый для меня день, Он сказал мне, лежавшему в пыли и мусоре на дороге: «Иди с

миром!», и я после долгого-долгого времени вдруг почувствовал, что могу встать, – я с рыданием обнял Его колена и от радости и изумления не мог вымолвить ни слова... Но прежде, чем я успел совершенно прийти в себя, Он исчез. Проходившие мимо люди стали останавливаться и расспрашивать меня обо всем, что случилось со мною, и скоро около меня собралась целая толпа народа. Тогда я побежал, как только мог быстро, по улице и в один миг очутился около тебя и нашей соседки Ады.

– Да, мой мальчик, если бы мне было суждено прожить сто лет, то и тогда я бы не забыла того мгновения, когда ты прибежал к нам. Мы считали уже маленького Гого мертвым, так как он лежал, окровавленный, без движения и почти без дыхания. И вдруг отворилась дверь и ты вошел в комнату, где лежал больной малыш. Я не поверила своим глазам и думала, что это дух, пока ты не воскликнул: «Гого спасен! И я исцелился!». В это мгновение в ребенке произошла перемена. Вид его совершенно преобразился: ни одного шрама не осталось у него на теле, ни одной царапины. Он выздоровел! Поистине, это было чудо, – сказала Приска.

– Мама, – произнес Стефан после некоторого молчания, – давай посетим наших больных соседей и расскажем им об этом чуде, хочешь? Ведь ты помнишь, как Он говорил: «Я пришел исцелить сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым даровать прозрение, отпустить измученных на свободу!» Я не могу забыть этих слов!

Если Он пришел для этого, то мы могли бы доставить Ему радость, если бы стали помогать в Его проповеди.

– Ты прав, мой мальчик! Мы сейчас же отправимся в путь, – сказала Приска.

Она быстро накинула плащ, и они вышли на улицу.

– Войдем сначала сюда, – произнес Стефан, останавливаясь перед дверью одного из соседних домов.

– Хорошо, – ответила Приска. – Здесь живет слепец, которого мы так часто видим.

Они постучались, и из-за двери послышался голос:

– Войдите.

Открыв дверь, они очутились в сенях, которые были гораздо хуже их собственных. На полу валялись солома и разный мусор, здесь же расхаживали козы, овцы. Около дюжины кур сидели на шесте, почти на одной высоте с человеческим лицом. У стены, склонив голову на колени, в бедном узком платье сидел человек. В ответ на обычные приветствия мальчика он поднял свою включенную голову и повернулся лицом к двери.

– Кто там? – спросил он.

– Меня зовут Стефан, – ответил мальчик, – я сын Думаха, который живет с тобой по соседству. Мы с матерью пришли к тебе с тем, чтобы отвести тебя к великому Чудотворцу! Он может снова сделать тебя зрячим, так как Он многих уже исцелил.

– Напрасно трудишься, паренек! – проворчал слепой. –

Разве ты не знаешь, что мои глаза были выжжены раскаленным железом? Они уже совершенно высохли, и ни о каком исцелении не может быть даже речи.

– Ты совсем не знаешь, какую силою обладает Иисус, – возразил Стефан и затем восторженно начал рассказывать ему о своем исцелении и об исцелении маленького Гого, но слепец только охал и плотнее закутывался в свои лохмотья.

– Пойдем же с нами! – воскликнул Стефан. – Пойдем живее!

– Да, если бы я был невинным ребенком, как ты и маленький Гого, о котором ты рассказал мне, еще можно было бы надеяться! – горько произнес слепец. – Но я проклят и Богом, и людьми, и лучше бы мне умереть!

– Нет, нет, добрый сосед, не говори этого! – нетерпеливо воскликнул Стефан. – Я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не пойдешь со мною.

С этими словами он подошел к слепцу, взял его за руку и осторожно потянул за собой. Прикосновение нежной детской ладошки, это ласковое касание, в первый раз выпавшее на долю слепого, сломило все его колебания, возбуждаемые в нем позором, стыдом и греховностью, и, закрыв лицо руками, он громко зарыдал...

– Пойдем, – начал упрашивать его снова Стефан, и на этот раз бедный незрячий поднялся с земли и доверчиво протянул Стефану свою руку.

– Я поведу тебя, – радостно проговорил мальчик, взяв его

за рукав, и оба в сопровождении Приски направились в путь.

– А ты точно знаешь, где Он сейчас находится? – спросил по дороге слепой.

К его собственному удивлению, в его душе внезапно пробудилась светлая надежда.

– Определенно я не знаю этого, – ответил Стефан, – но все равно мы найдем Его, не беспокойся!

На мальчика, казалось, нашло озарение свыше, и с детским простодушием он прибавил:

– Если мы действительно нуждаемся в Нем и ищем Его от всего сердца, мы несомненно найдем Его.

– Я слышала, – сказала Приска, – как одна женщина в синагоге говорила, что Он живет у ры́баря Симона, а его дом я знаю, он недалеко от берега озера.

Чем ближе они подвигались к месту своего назначения, тем больше встречали людей, шедших в том же направлении. Некоторых больных несли на одрах, а слепых и хромых, которые медленно, с трудом подвигались вперед, вели за руки. И пока все возрастающая толпа несчастных двигалась вперед, на улице, то там, то здесь, слышны были стоны больных, вскрикивания бесноватых, жалобный плач детей. Все эти звуки сливались в один ужасный, потрясающий душу хор скорби.

Дом Симона стоял на берегу озера. Это было простое, но довольно красивое двухэтажное жилище. Позади двора растянулся небольшой садик в виде террасы, спускавшейся к

самой воде. Два или три роскошных фиговых дерева доставляли приятную тень, а розы, олеандры и лилии делали сад прелестнейшим местом для отдыха и прогулок.

Здесь жил Симон, названный Петром, со своей женой, тещей и братом Андреем. Здесь же останавливался и Иисус, когда приходил в Капернаум.

Вот и в этот субботний вечер вся семья со своим дорогим Гостем сидела в саду, наслаждаясь приятным прохладным ветерком, дувшим с озера, и проводила время в мирных разговорах. И здесь, в кругу этой семьи Учитель показал сегодня Свое величие и могущество.

Мать жены Симона внезапно заболела горячкой, и когда Иисус, возвратившись из синагоги, услышал эту печальную весть, Он поспешил на помощь. Взяв больную за руку, Он силой Своего Духа поднял ее, и болезнь тотчас же оставила женщину. Она встала с одра и могла прислуживать им, как и прежде...

Когда же все члены семьи вместе с Иаковом и Иоанном сидели таким образом здесь, в доме Симона, и слушали речи Иисуса, с улицы внезапно раздался шум множества шагов, сопровождавшийся криками и плачем.

– Что это такое? – спросил Симон жену и с испугом вскочил с места.

– Это, очевидно, народ ищет Господа, – ответил Иоанн. – Наверное, люди принесли сюда несчастных больных.

С этими словами он встал, подошел к садовой калитке и

выглянул наружу. Недалеко от дома Симона находилась довольно большая площадь; здесь и собрался народ, пришедший к Иисусу. Сняв свои ноши и опустив их на землю, люди теснились у входа в сад и кричали:

– Где великий Чудотворец? Вышлите Его к нам!

– Господи, выйди, молим Тебя!

А затем снова слышались стоны и вопли больных, состояние которых ухудшалось вследствие необычного движения во время быстрого перехода по городу, с которым, как правило, всегда соединены беспокойство и общее возбуждение.

Среди этого горя и страдания стояла теперь благодетельная фигура великого Целителя, глаза Которого сияли бесконечной любовью и милосердием и благословляющие руки Которого были простерты к несчастным и беспомощным. И когда Он переходил от одного к другому со словами прощения и милосердия, и мира небесного, возлагая руки то на одного, то на другого, вопли и стоны постепенно начали превращаться в громкие крики радости и благодарности.

Многие уже возвращались домой исцеленные и счастливые, уступая место другим больным, стекающимся с разных сторон...

Когда к толпе, окружавшей Иисуса, подошли Приска и Стефан со слепым, то Стефан воскликнул, крепче сжимая руку слепого:

– Вот Он! Если бы ты мог видеть, сколько больных ожи-

дают здесь исцеления и как много их уже исцелилось и ушло отсюда!

Между тем, привычно тонкий слух слепого в общем шуме голосов мог уже отличить крики радости исцеленных. Слепец быстро выдернул свою руку из руки мальчика и побежал вперед, повинувшись какому-то непонятному инстинкту, и скоро очутился около того места, где стоял в это время Иисус. Слепец бросился перед Ним на колени, схватил Его за полу одежды и громко воскликнул:

– Господи Иисусе, молю Тебя, смилуйся надо мной!

И Иисус сказал в ответ ему:

– Веришь ли, что Я могу это сделать?

– Да, верю, – тихо и со страхом произнес больной и поднял свои слепые глаза на лицо, с любовью склонившееся над ним.

Иисус, посмотрев на него и увидев за этими слепыми глазами душу виновную, но уставшую от страданий, жаждущую любви и милости, коснулся рукою этих глаз и произнес:

– Иди с миром!

В этот момент слепец чудом Божиим прозрел, у него открылись глаза, и первое, что он увидел, было исполненное сострадания и любви лицо его Спасителя.

И, как было ему сказано, он встал и пошел домой, унося с собой воспоминание о Том, Кто был предназначен быть Источником благодати и для него, и для других людей во все века и во всем мире!

Глава 7. Во дворце Каиафы

Утреннее солнце весело светило сквозь высокие решетчатые окна в доме первосвященника Каиафы. Его лучи проникали в просторную, убранную по обычаю того времени комнату. Вдоль трех стен ее шли роскошные сидения, четвертую же стену составлял ряд грациозных колонн из разноцветного мрамора, сквозь которые видна была терраса. Пол был покрыт толстыми коврами, и стены украшали богатые вышитые ковры. Кое-где стояли низенькие столы и стулья римской работы. Внутри шкафов виднелось много разной посуды, редких ваз и всякого рода драгоценностей, свидетельствовавших о богатстве и тонком вкусе владельцев.

Анна, супруга первосвященника, в это ясное утро была одна в своей комнате. Годы тоски и забот оставили довольно ясные следы на ее красивом лице, тонкие линии которого обнаруживали тяжкое горе. Волосы ее уже засеребрились сединой, но под тонкими бровями ясно и приветливо светились красивые, выразительные глаза. С дивана, на котором она сидела со своим рукоделием, открывался вид на террасу в сад, нежные тени которого плясали по мраморному полу. Плеск фонтана смешивался с веселым птичьим щебетанием, улаждающим ее слух. Все было тихо и спокойно вокруг. Такое же спокойствие отражалось в чертах ее лица, когда она, сидя на диване, старательно продевала сквозь тонкую ткань

золотые нити.

Вдруг на террасе послышались чьи-то шаги и, подняв глаза, она увидела дорогого ей человека...

– Доброе утро, дорогая супруга! – произнес он.

При звуке его голоса женщина встала, отбросила в сторону работу и с легким радостным криком поспешила ему навстречу.

– Это ты, мой дорогой! – воскликнула она, нежно обняв его. – Я думала, что ты возвратишься только к вечеру!

– Мы ехали ночью при лунном свете и чувствовали себя гораздо лучше, чем при солнце, – сказал Каиафа. – Не случилось ли с тобой чего-нибудь особенного, Анна? Все ли благополучно дома?

– Все в наилучшем порядке, – ответила Анна. – А как поживают наши родственники в Капернауме?

– Все совершенно здоровы, – сказал Каиафа, но вслед за этим, немного нахмурившись, заметил: – Но вот Иаир только слишком увлекся этим Иисусом, как и все остальные в Галилее! Иаир утверждает, будто Иисус есть Мессия, но это же чистейшее богохульство и прямо противоречит Священному Писанию!

– Ну, а это правда, что Он сотворил столько исцелений? – с любопытством спросила Анна.

– Галилеяне еще и не то будут говорить... – презрительно заметил Каиафа. – Ах, если бы были здесь одни только чудеса, все бы могло сойти с рук... Но ты подумай только о том

дьявольском учении, которое Он проповедует!

При этих словах он остановился и, внезапно переменив тон, продолжал:

— Впрочем, это не такие уж важные вещи, чтобы из-за них так беспокоиться. Я предприму необходимые меры к прекращению соблазна. А ты, Анна, лучше позаботься, чтобы мне дали покушать, пока я стряхну с себя дорожную пыль и переоденусь. Да, вот, было, забыл... — остановился он, роясь в складках своей широкой одежды. — Тебе есть письмо от жены Иаира. И, передав жене запечатанный пакет, он оставил горницу.

Анна с улыбкой посмотрела на письмо, но не стала его вскрывать. Она считалась примерной хозяйкой и не хотела прочесть живо заинтересовавшее ее письмо прежде, чем не даст указания служанкам приготовить мужу обед. Только тогда она через террасу по мраморным ступеням сошла в сад, села на скамью подле фонтана и, сорвав печать, вскрыла письмо.

Письмо это было совершенно не похоже на те письма, которые мы теперь получаем от наших друзей. Оно было написано на особенно тонком пергаменте, крепко скручено, обмотано шелковыми нитями и в нескольких местах заклеено воском, так что требовалось, по крайней мере, несколько минут, чтобы его открыть. Когда наконец воск был снят, нитки удалены, Анна раскрыла пергамент и начала читать письмо от Сарры, жены Иаира:

«Благородной Анне, возлюбленной сестре моей, мир и приветствие! Прибытие твоего высокочтимого супруга Каиафы, первосвященника в храме Всевышнего, доставило нам большую радость, в особенности же приятно было сердцу нашему узнать, что ты и весь твой дом, равно как и Анна, отец наш, находитесь в добром здравии! Чистосердечно признаюсь тебе, что, как ни хорошо у нас в Капернауме, как ни сильно привязана я к своему родному очагу, все-таки я часто скучаю по тем местам, где я провела свою счастливую молодость, и по милым родным и друзьям, знакомым из Иерусалима! В последнее время в нашем городе произошло много странного и чудесного, а именно, – после прибытия сюда Иисуса Назарянина, Который совершает много исцелений и учит о новых, неслыханных вещах.

Муж мой Иаир, человек, как ты знаешь, благочестивый, справедливо и свято живущий пред Господом, считает Этого Иисуса Назарянина за обетованного Богом Мессию! И, к моему величайшему огорчению, это привело к ожесточенному спору между моим мужем и высокочтимым твоим Каиафою. А что касается меня, то я собственными глазами видела такие чудеса, которые привели меня в крайнее изумление!

Поистине, ты только представь себе: хромы ходят, глухие слышат, больные всякими недугами получают исцеления. И все это – по одному слову Этого Человека, Иисуса. Кроме того, Он изгоняет бесов из многих одержимых, и даже сами бесы, вышедшие из людей, свидетельствуют, что Это Христос,

Сын Божий. Он прекрасен видом, притом от Него исходит какое-то таинственное, чудесное очарование, так что только при одном взгляде на Него невольно чувствуешь какое-то волнительное влечение к тому, что Он говорит. Даже наша маленькая Руфь, которая видела Его и слышала Его проповедь в синагоге, не перестает говорить о Нем, и если узнает, что Он находится где-нибудь поблизости, то не дает мне покоя до тех пор, пока я не пойду с ней, чтобы увидеть Его или услышать. Конечно, очень часто я не в состоянии бываю удовлетворить ее желание, потому что около Него всегда собирается огромная толпа, а мне, богатой дочери из знатного дома, неприлично общаться в кругу этих людей, большинство из которых незнатного происхождения. Но все-таки я стараюсь пользоваться каждым удобным случаем, чтобы послушать Его проповедь или узнать от других, о чем Он говорит.

Главным образом, Он побуждает Своих слушателей к обращению к нашему Богу, Небесному Отцу. Говорит Он большей частью притчами и подобиями. Сам Он называет Себя то Сыном Божиим, то Сыном Человеческим и открыто объявляет, что Он послан обратить людей к покаянию. Ходит слух, что однажды Он не погнушался вступить в разговор с самарянкою, чего раввин никогда бы не сделал, так как самаряне не принадлежат к народу Божиему.

Иногда Этот Иисус избирает Себе последователей из людей низкого происхождения, например, из рыбаков Капер-

наума и его окрестностей. Вообще же, Анна, боюсь, что я не сумею тебе хорошенько объяснить, почему именно наши сердца так склонны признать Его за Мессию. Для того, чтобы понять это, тебе нужно самой увидеть Его. Посему, когда Он придет в Иерусалим, не упускай случая увидеть Его и послушать Его проповедь.

Маленькая Руфь шлет тебе свой сердечный привет, а равно и Иаир, супруг мой. Все мы надеемся скоро увидеться с вами; праздник совсем недалеко, и мы, конечно, приедем на него в Иерусалим.

Вот какое длинное письмо написала я тебе, милая Анна, собственной рукой и с сожалением заканчиваю его. Будь настолько добра, поприветствуй от меня отца нашего Анну и наших братьев с их семьями.

Бог Авраама да сохранит тебя и твое семейство в мире! А пока прощай!».

Прочитав последние строки письма, Анна почувствовала, что кто-то стоит рядом и как будто хочет говорить с ней. Подняв голову от письма, она увидела Малха, одного из самых близких слуг Каиафы. С почтительным поклоном он приблизился к Анне и произнес:

– Мой господин поручил мне, госпожа моя, сообщить тебе, что важные дела задержат его в совете до вечера. Он просил ожидать его.

Исполнив свое поручение, слуга хотел удалиться, но Анна знаком остановила его и сказала:

– Передай твоему господину, что я буду ждать его после захода солнца. Кушанье для него будет приготовлено в саду, внутри дома, там я буду ожидать его.

– Понравилось ли тебе путешествие в Капернаум? – прибавила она совершенно ласково, так как Малх был старый, давнишний служака в доме.

– Да! – ответил слуга после небольшой паузы. – Я там встретил человека, с которым познакомился много лет назад в Иерусалиме. Он долго страдал ломотой в суставах, а последние десять лет совсем не вставал с одра и не мог пошевеливать ни одним членом, а теперь этот человек без труда ходит по улицам Капернаума, как будто бы он никогда не был болен. Сначала я подумал, что обознался, и заговорил с ним; оказалось, однако, что это именно он, и зовут его Элиаз.

– А как же произошло это замечательное исцеление? – заинтересованно спросила Анна.

– Я расспрашивал его об этом, госпожа, – отвечал с оживленным видом слуга, – и он рассказал мне, что некий Человек по имени Иисус из Назарета увидел его лежащим на рогоже у ворот города, повелел ему встать, взять на плечи одр свой и идти домой. Тотчас же он почувствовал, что в состоянии исполнить сказанное, к величайшему своему изумлению и изумлению всех присутствующих! А несколько времени спустя после этой встречи, я сам имел счастье увидеть Того Человека, Который совершил это исцеление.

– А сам ты видел, как Он совершает чудеса? – продолжала

расспрашивать Анна.

— К сожалению, нет, — ответил Малх, — но я слышал, как Он рассказывал огромной толпе народа, собравшейся вокруг Него, историю, и речь Его была доступна и понятна всякому. Даже дети, которых немало было около Него, и те слушали Его с таким же напряжением и вниманием, как и взрослые. Мне чрезвычайно хотелось подольше послушать Его, но, к несчастью, у меня тогда не было времени, так как я был послан к одному раввину с каким-то поручением от моего господина.

Анна хотела задать слуге еще несколько вопросов, но вовремя удержалась и, поблагодарив слугу за его преданность и верность, отпустила его...

Между тем первосвященник Каиафа был занят очень серьезными делами. По возвращению в Иерусалим он тотчас же назначил в своем дворце совет из влиятельнейших членов Иерусалимской церкви. Один из его слуг принимал приглашенных и отводил их в предназначенную для совета залу. Как и все комнаты дворца, эта зала была чрезвычайно просто убрана и изобиловала светом и воздухом. Когда же все приглашенные оказались в полном составе, слуга Малх доложил об этом своему господину и Каиафа с величественным и важным видом вступил в зал. При его виде все присутствующие почтительно встали со своих мест, кроме одного почтенного старца, пред которым сам Каиафа склонился и произнес:

– Досточтимый Анна, считаю великой честью для себя иметь возможность приветствовать тебя сегодня здесь! Твоя опытность и известная всем мудрость помогут нам разрешить некоторые недоразумения.

Сидевший человек, к которому было обращено приветствие Каиафы, поражал своей величественной осанкой. Его длинная, доходившая до пояса борода отливала серебром, а острые, пронизательные глаза имели какой-то странный блеск. Вместе с сознанием собственного достоинства в лице старца еле заметно проглядывали также хитрость, самолюбие и еще несокрушимая энергия. Вежливо он ответил на приветствие Каиафы и, немного подождав, пока он садился, произнес:

– Сын мой, ты собрал нас здесь, чтобы сообщить результаты своей поездки в Галилею? Скажи-ка, что ты думаешь о так называемом Иисусе?

– Прежде всего, – начал Каиафа, – я убедился, что слухи о том возбуждении, какое вызывает Его присутствие по всей Галилее, несколько не преувеличены; напротив, мы и подумать не могли, что Этот Человек так сильно увлекает население! Он учит не только на полях и на улицах городов, но и даже в синагогах и в школах. Судя по рассказам народа, Он совершил много чудес и удивительных исцелений. Впрочем, о последних я не могу сказать ничего достоверного, так как своими глазами я не видел ни одного Его чуда, а в народную болтовню я не особенно верю. О легковерии чёрни достаточ-

но известно, особенно у галилеян. Вследствие их крайнего невежества они совершенно не в состоянии поразмыслить как следует над подобными вещами.

– Да, мы что-то не слышали, чтобы Иисус совершил какое-нибудь замечательное чудо в Иерусалиме! – заметил один из членов собрания, по имени Никодим.

– Все это так, мой друг, – ответил Каиафа, – но кто поручится, что это неправда? Если бы исцеления эти были совершены над почтенными гражданами, можно было бы, во всяком случае, поверить, но, как мы знаем, до сих пор исцелялись только нищие, а они никакого значения не имеют. Однако давайте обсудим врачебную деятельность Этого Человека! Со своей стороны я не вижу ничего дурного, если бы Он исцелил даже всех больных в стране. Более серьезно внимания заслуживают те претензии, которые Он время от времени высказывает. Известно ли вам также, что Он совершенно серьезно выдает Себя за Мессию, и, как таковой, собирает уже вокруг Себя последователей.

– Это чистейшее богохульство! – раздался голос Анны. – От юности своей я прилежно изучал пророков и никогда не находил, чтобы где-нибудь у них говорилось о таком Человеке, как Этот! Мессия должен явиться могущественным Царем. Он спасет народ Божий от рук иноплеменников, поставит в Иерусалиме престол Свой и воцарится в нем в могуществе и славе! Кроме того, предсказано, что Царь Этот должен произойти из рода Давидова и родиться в Вифлееме в колоне

Иудовом. А Этот родом из Назарета.

– Если бы Этот Человек был Мессия, – прибавил один из членов собрания, – Он, конечно, прежде всего вошел бы в общение со священниками Всевышнего.

– А Он не только не ищет этого общения, – сказал Каиафа, нахмурившись, – но даже мало ценит церковные законы и обычаи и поносит и фарисеев, и книжников. Кроме того, Он Сам лично не соблюдает уставов, ест неумытыми руками, вращается с мытарями и грешниками, так что даже входит в дома их и сидит с ними за столом. Мой совет таков: поручить некоторым умным и рассудительным раввинам строго наблюдать за Этим Человеком и всякий раз доносить нам о Его поступках. Это необходимо потому, что, как я думаю, священству, как установлению Бога наших отцов, может грозить большая опасность, если не будет положен предел учению Этого Иисуса.

– Мудрость говорит твоими устами, слуга Всевышнего! – воскликнул Анна. – Наш долг – охранять и защищать веру наших отцов, чтобы она ни в чем не терпела ущерба! Если Этот Человек богохульствует, Он достоин смерти, так написано в нашем законе. Однако же мы во всем должны поступать с предусмотрительностью и осторожностью, чтобы не возбудить ропота в народе.

Сдержанный шепот одобрения сопровождал его слова. Немедленно же были приняты все меры к выполнению принятого предложения, назначены лица, которых решили по-

слать в Галилею с поручением от верховного совета: следить там за Иисусом и старательно выискивать пригодного повода, по которому можно было бы схватить его и присудить к смерти!

Глава 8. Исцеление прокаженного

– Это действительно чудо, Стефан! И если бы я не видел тебя сейчас собственными глазами, я ни за что не поверил бы! Уж не грешу ли я, в самом деле? – говорил Тит.

При этом он начал производить всевозможные телодвижения, как бы для того, чтобы убедиться, что он находится в полном сознании. Оба юноши постояли, а потом стали задумчиво ходить вдоль берега озера. Стефан перед этим только что рассказал Титу о своей чудесной встрече с Иисусом и об исцелении маленького Гого.

– И как это ты Его не видел? – спросил Стефан у Тита. – Ты непременно постарайся встретиться с Ним, когда Он снова будет в Капернауме! Ты не согласишься, Тит, как я люблю Его теперь, Он для меня дороже всех!

– Неужели дороже матери? – спросил Тит с изумлением.

– Да, даже дороже матери! Мать я люблю теперь больше, чем прежде, и тебя люблю больше. А Он любит всех людей! Ах, если бы ты видел Его в тот вечер, когда к Нему пришли за исцелением множество больных людей! Я был словно ослеплен, и едва осмелился взирать на Него. Его лицо сияло каким-то небесным светом, подобно солнечному свету в полдень. Когда Он сказал слепцу: «Иди с миром!», – я сразу почувствовал сердцем, что к слепому возвратилось зрение. Да и кто мог бы остаться слепым пред величием Лица Иисусова!

– А ведь знаешь, мы, собственно, не имеем с тобой определенной религии! – продолжил Стефан после небольшой паузы. – Отец, когда божится или заклинает кого-нибудь, то упоминает каких-то богов. А мать говорила мне, что она происхождением из еврейского рода, хотя я не видел, чтобы она посещала когда-нибудь синагогу, за исключением разве того случая, когда там был Иисус. О, как бы я хотел узнать, Кто Это такой, Этот Отец, о Котором говорит всегда Иисус! Нет, я непременно узнаю это, – прибавил он с приливом неожиданной энергии. – Буду ходить за Ним и слушать Его речи. Может, мне удастся разузнать что-нибудь поподробнее!

– Ты ничего о Нем не слышал с тех пор, как Он исцелил тебя? – спросил Тит.

– К сожалению, ничего. – отвечал Стефан. – Он всегда окружен таким множеством народа и всегда бывает так много желающих говорить с Ним, что я просто не понимаю, когда Он отдыхает. Здесь, в Капернауме, я следовал за Ним каждый день, и даже ходил за Ним в соседние города и селения, и возвратился домой только потому, что боялся, как бы мать не подумала чего дурного обо мне.

– Тит, не знаешь ли, что это с нашей мамой делается? – внезапно спросил Стефан. – Она часто горько-горько плачет, несмотря на то, что я совершенно выздоровел. А отец уже давно не возвращался домой.

– А ты, Стефан, спрашивал о причине ее слез у нее са-

мой? – спросил Тит.

– Уж сколько раз спрашивал, а она всегда мне твердит одно и то же: «Ты не поможешь мне, сын! Зачем же я буду понапрасну расстраивать тебя!». Попробуй, Тит, спроси ты ее когда-нибудь.

– Непременно спрошу, если будет случай, – коротко ответил Тит.

– Ну, а теперь я буду тебя с удовольствием слушать, – обратился к нему снова Стефан. – Расскажи, Тит, где ты был, что делал? Да пойдем лучше отдохнем в тени дерева, а то голову невыносимо печет.

С этими словами Стефан опустился на мягкую траву в тени фигового дерева. Тит последовал его примеру и, сорвав несколько лилий, начал ощипывать их нежные, белые лепестки.

– Ну зачем ты губишь эти чудные, нежные цветы? – воскликнул Стефан. – Вот если бы ты слышал, что говорил Учитель о лилиях, ты никогда бы этого не сделал!

– Что же Он говорил о них? – спросил Тит.

– Он говорил, что эти лилии сотворены Его Отцом и что если Он так заботится и украшает эти полевые цветы, то тем бóльшую заботу Он имеет о людях – Его детях. Он говорил также, что Сам пришел к нам, для того чтобы показать нам Отца, великого и милостивого к людям.

– Стало быть, Он пришел и для меня, – с заметной грустью проговорил Тит и далеко отбросил голые стебли цветов.

– Да что с тобой, Тит, отчего ты сегодня такой странный? – спросил Стефан, нежно глядя его грубую загорелую руку. – С тобой, может быть, случилось что-нибудь нехорошее, скажи-ка мне?

– Нет, не годится об этом говорить тебе, – сказал Тит, мрачно глядя на белые паруса судов, видневшихся на горизонте. – От этих мошенников всего можно ожидать!

– О чем ты говоришь, Тит?

– Помнишь, как тогда ночью они привалили к нам ватагой, да и ты сам, наверное, слышал их разговор? Они насиль-

но заставили меня совершать такие вещи, о которых я не скажу ни за какие деньги!..

– Нет, пусть лучше язык мой отсохнет, нежели я скажу это! – продолжал с волнением Тит. – Ненавижу я теперь Думаха и всю его шайку, с которой он связался! Это настоящие разбойники, они и меня хотели сделать таким же вором, мошенником, как они сами! Ты посуди, Стефан, каково мне было слушать твои рассказы о Великом Чудотворце! Он исцеляет хромых, слепых, глухих и расслабленных, а мы грабим людей, увечим и иногда даже убиваем!

Последние слова он произнес едва слышным голосом, закрыв лицо руками и зарывав. Стефан слушал его, и с лица его постепенно исчезало прежнее выражение счастья и блаженства. Наконец, он протянул руки и, положив их на плечи брата, произнес:

– Но ведь ты же должен был поступать против собственного желания. Ведь ты добрый, Тит... Право, добрый! Ты всегда так почтителен и ласков с матерью. А со мной... Вспомни, как ты ухаживал за мной, когда я был еще болен. Нет, Тит, у тебя доброе сердце, – продолжал он, ласково заглядывая к Титу в глаза. – Ты не пойдешь больше к тем людям. Ведь да, Тит? Ты останешься дома со мною и с нашей мамой.

Тит перестал рыдать и, поднявшись с земли, прерывающимся голосом ответил:

– Нет, Стефан, я не добрый! Ты ошибаешься! Вот ты – совсем другое дело! Однако пойдем отсюда!

– Пойдем, я готов, – произнес Стефан, быстро поднимаясь с земли. – Может быть, мы даже встретим Его! От рыбаков, находящихся постоянно около Него, я слышал, будто бы Он намерен был посетить все города и селения вблизи озера.

– О каких это рыбаках ты говоришь? – спросил Тит с видимым оживлением.

Стефан ответил:

– Симон и его брат Андрей. А также Иаков и Иоанн, сыновья Заведя. Ты знаешь их?

– Да, я иногда встречал их на озере, и с одним из них мы обменялись даже парой слов.

– Вот как! Только знаешь, они ведь бросили теперь рыбацкий промысел. В народе говорят, будто они уже и не хотят оставить Иисуса. Однажды раввин при мне говорил про них: «Станных людей выбирает Себе в ученики Этот Человек!». Но в народе никто не обратил внимания на эти слова, потому что у всех на уме были чудесные знамения, которые сотворил Иисус.

– Раввины, стало быть, не особенно благоволят к Иисусу? – спросил Тит, улыбаясь. – Да, они, должно быть, страшно самолюбивы, эти льстивые святоши! Они боятся уже, наверное, что не найдут себе больше учеников и последователей! На днях мне случилось проходить по рынку во время их молитвы, и ты представить не можешь, Стефан, с каким страхом они завертывались в свою одежду, чтобы не оскверниться от прикосновения ко мне. Однако что там за толпа

народа? Смотри, ведь стекаются туда со всех сторон... Пойдем-ка посмотрим!

И оба юноши пустились бежать по направлению к людям.

– Что тут такое? – спросил Тит у одного человека, стоявшего неподалеку.

– Разве ты не слышал, что здесь будет проходить сейчас Иисус из Назарета? – ответил ему незнакомый человек. – Да

вот Он идет, неужели не видишь? – указал он на легкое облако пыли, поднимавшееся по загородной дороге.

Очевидно было одно: что по дороге двигалась большая толпа людей.

– Народ как стадо валит за Ним, – продолжал незнакомец, – со всех селений стекаются слушатели. Он творит чудеса, исцеляет больных, и, кроме того, Он учит не так, как книжники. И слова Его обладают такой силой, что сами демоны повинуются Ему!

– Меня Он тоже исцелил, – просто заметил Стефан, всегда готовый каждому рассказывать историю своего исцеления.

Незнакомец устремил на него свой вопросительный взгляд.

– От чего же Он тебя исцелил? – спросил он.

– Я был калека... – начал Стефан, но как раз в этот момент громкий крик прервал его рассказ.

– Нечистый, нечистый!.. – послышался крик, такой злоедающий и потрясающий, что каждый стоявший в толпе невольно содрогнулся и попятился назад.

Стефан и Тит тоже отодвинулись назад, увидав высокую фигуру прокаженного, который, прихрамывая, с видимым усилием продвигался к толпе, время от времени выкрикивая хриплым голосом: «Нечистый! Нечистый!».

Вся голова его была закрыта грубым покрывалом, и сам он старался не открывать свое лицо, чтобы не так сильно бросалась в глаза людям его болезнь, хотя при первом же взгляде

на него было понятно, что он поражен самой ужасной язвой, какие могут быть на земле.

– Прокаженный идет! – вскрикнули разом несколько человек, и в тот же миг большая часть людей, среди которых находился Иисус, от ужаса рассыпалась в разные стороны.

Иисус остался на дороге один. Прокаженный, узнав Иисуса и видя, что Он не удаляется от него, как другие, побежал к Нему, пал пред Ним ниц и умоляющим голосом воскликнул:

– Господи! Если хочешь, Ты можешь меня очистить!

Иисус простер руку Свою, прикоснулся к нему и сказал:

– Хочу, очистись!

В тот же миг прокаженный встал, и все присутствующие увидели, что все следы его болезни исчезли в один миг и тело стало таким же чистым, как и у других людей! Во время наступившей затем торжественной тишины Иисус о чем-то разговаривал с прокаженным, но так тихо, что никто не мог понять, что Он говорил. По словам самого исцеленного, Чудотворец сказал ему, чтобы он шел и, дабы не возбудить лишних пререканий, показался священнику, как написано в законе Моисеевом.

Когда же исцеленный удалился, чтобы выполнить все сказанное Иисусом, среди народа внезапно поднялся громкий крик радости и толпа ринулась к Чудотворцу, так что Стефан и Тит вскоре очутились совершенно в другой стороне.

– Это ли не чудо! – воскликнул Стефан, едва оправившись от волнения.

Тит ничего не отвечал, но Стефан успел заметить, что на его больших темных глазах сверкали слезы.

Глава 9. Исцеление расслабленного

– Эй, послушай-ка, малый, у тебя, кажется, крепкая спина-то, не поможешь ли нам немного? – обратился чей-то голос к Титу, который в это время возвращался вместе со Стефаном с рыбной ловли.

Несмотря на то, что они оба уже были порядочно нагружены пойманной рыбой и сетями, они немедленно направились к тому месту, откуда слышался голос.

Человека четыре стояли у носилок с беспомощно лежащим на них больным.

– Мы вот хотим снести больного в дом рыбака Симона, – сказал один из стоящих, – мы слышали, что у него остановился в доме Иисус из Назарета. Он, наверное, может исцелить нашего больного.

Лежавший на носилках больной громко стонал.

– Вот этот старик помог нам принести сюда носилки, – говорящий указал на одного из четверых, – а сам еле держится на ногах от слабости и не может идти дальше. Вот если бы ты, паренек, помог нам! Сделай милость!

– С удовольствием, – ответил Тит. – Ты, Стефан, перенеси пока сеть и рыбу, если сможешь.

– Давай я понесу что-нибудь, – раздался дрожащий голос старика. – Благословение Отца да почиет на тебе, добрый юноша, за то, что ты не отказался помочь донести моего бед-

ного больного сына к Исцелителю.

– Батюшка, да поскорее! – простонал больной.

И добавил:

– Только какая же в этом польза, ведь священник уже не раз говорил мне, что страдания посланы мне Богом в наказание за мои грехи. Никто, кроме Всевышнего, не может снять с меня этого наказания, и я должен терпеливо переносить свои страдания!

– Ах, эти раввины! Чего только они не наговорят! – пробормотал старик. – Я знаю тебя лучше, чем они. Ты такой же, как и все, и безгрешного совсем человека нет на земле. Все мы грешны! И если бы Всемогущий Бог восхотел поступить с нами по нашим грехам, то мы все лежали бы на одре болезни. Нет никого, кто мог бы сказать о себе, что он без греха! Не правду ли я говорю, молодые люди?

Все согласились с его словами, а Тит почувствовал, как от сознания своей собственной греховности кровь вскипела в его голове, и он заметно покраснел.

– Вперед, живо! – произнес один из стоявших. – Поднимайте, только тише, чтобы не причинить больному лишних страданий.

Молодые люди подняли носилки и быстрыми шагами двинулись по улице. За ними последовали старик со Стефаном.

– Бедный мой сын! – тихо говорил, идя по дороге, старик и качал печально головой.

– Давно он у вас болен? – спросил Стефан участливо.

– Да с восьми лет от рождения. Он попал под лошадей римского гарнизона в Тивериаде. Видишь ли, был тогда языческий праздник или что-то вроде того, и мой мальчик отправился туда посмотреть их игры. Мать, было, не пускала его, но он со своими сверстниками убежал тайно. А к вечеру соседи принесли его домой уже полумертвого. Горю нашему не было границ. До тех пор он был ребенком, но после этого несчастья мы его более не видели на ногах. Он давно уже не сходит с постели, как будто все члены его омертвели. Спустя немного времени мы отправились в Капернаум, его мать непрестанно молилась о его выздоровлении, и Всемо-
гущий Бог услышал бы ее молитву, как некогда услышал молитву благочестивой Анны. Но раввины стали говорить, что он должен терпеть все страдания, как наказание за грехи. И раввины были отчасти правы, потому что если бы он послушался тогда внушений матери и не убежал, с ним не случилось бы этого несчастья, а мы, поверь мне, всегда старались поступать по заповедям Божиим. Но, несмотря на свои страдания, сын мой не ропщет на Бога. Давид в одном из псалмов своих говорит: «Как отец милует сынов своих, так милует Господь боящихся Его!». Он смилуется, конечно, и над моим терпеливым сыном.

– Что ты сказал об Отце сейчас, милующем детей Своих? – с жадным любопытством спросил Стефан. – Повтори мне, пожалуйста, еще раз.

Старик повторил слова из псалма и потом серьезным, почти строгим тоном добавил:

– Что же ты, мальчик, Священного Писания не знаешь? В твои годы я наизусть знал псалмы и, кроме того, еще многое, что написано в Законе.

– К сожалению, я этого ничего не знаю, – ответил Стефан. – Мой отец грек, и я не имел возможности изучать ваше Писание.

– Так ты язычник! – воскликнул старик, отступив немного назад от мальчика.

– Но ты все равно хороший мальчик, – добавил он после недолгого молчания. – Это по твоему лицу видно, а я не так гнушаюсь язычниками, как наши раввины.

– Тот, к Которому мы идем, не различает даже, кто мытарь, а кто грешник. Я сам убедился в этом, – начал с живостью Стефан, – и если бы не Он, я и до сих пор был бы калек. Он исцелил меня, не спрашивая, знаю я псалмы или нет и хожу ли в синагогу! О себе я Его и не просил, я просил Его только о бедном больном мальчике. Как ты думаешь, Отец, милующий Своих детей, о Котором часто упоминает Иисус, и Отец, о Котором говорится в псалме, одно и то же лицо?

– Да, конечно, это Бог Авраама, Исаака и Иакова, – ответил старик.

– Кто были эти люди? – простодушно спросил Стефан.

– Ты – язычник, юноша! – с сердцем произнес старик. – Ходил бы ты сам в синагогу слушать Писание!

– Я непременно буду ходить! Раньше я ведь совсем ничего не мог делать, был полным калек и не мог двигать ни одним членом своего тела! Как же тут было ходить в синагогу!

В этот момент оба собеседника заметили, что несущие больного остановились и положили носилки на землю. Старик приблизился к сыну и с любовью взглянул на его исхудалое лицо.

– Может быть, тебе от тряски стало больно? – ласково об-

ратился он к нему с вопросом.

– Нет, батюшка, тряска не может причинить такой боли, как мысль о грехах. Иисусу, конечно, нельзя будет исцелить меня, потому что я зол и нечист пред Богом. Несите меня домой, дайте мне умереть спокойно.

– Смотри на меня! – воскликнул в это время Стефан своим ясным, детским голосом, наклоняясь над носилками. – Я – язычник, как назвал меня сейчас твой отец, и все-таки Он меня исцелил! Исцелил Он также нашего соседа Филиппа – слепца, которому за какое-то преступление выжгли глаза. Я не знаю, в чем именно он провинился, но ясно, что он великий грешник, если заслужил такую кару по закону. А кроме того, Иисус исцеляет множество других больных, и ни один из них не был ни священником, ни раввином, ни фарисеем. Так почему же Он не может исцелить тебя? Ты мало знаешь Его, Он так же милостив к людям... как Отец Небесный милостив к Своим детям. Он любит людей больше, чем мать любит детей своих.

Больной поднял на Стефана свои большие печальные глаза и внезапно спросил:

– Кто ты? Уж не ангел ли ты?

И в самом деле, при лунном свете мальчик, любезно склонившийся над постелью больного, походил на ангела.

– Нет, сын мой, это не ангел, – ответил старик за Стефана. – Он действительно язычник, как он сам говорит, и не знает даже, кто были Авраам, Исаак и Иаков. Ободрись же,

дителя мое! Великий Чудотворец исцеляет и не таких грешников, как ты, мой бедный мальчик! Выпей-ка вот глоточек вина, это немного подкрепит тебя.

С этими словами он снял со своего пояса маленький мех с вином и подал его больному.

Вскоре шествие снова возобновилось. Недалеко уже был дом Симона, но чем ближе они подходили к нему, тем яснее для них становилось, что попасть туда будет очень трудно, даже почти совсем невозможно. Им уже встретились по дороге несколько человек, которые горько жаловались на то, что за множеством собравшегося народа нельзя даже увидеть и услышать Иисуса.

– А вдруг в конце всего окажется, что мы только даром тащились сюда? – отчаянно воскликнул старик. – Кто знает, может быть нам не удастся даже увидеть Его!

– Тише, больной может услышать, – остановил Стефан старика. – Попробуем сначала пробраться к Нему. Может быть, нам это удастся.

Между тем, толпа становилась все плотнее, и вскоре они могли продвигаться вперед только медленными шагами. Наконец, носильщики опустили бедного страдальца и стали совещаться между собой, как им лучше добиться своей цели.

– Что это у вас? – спросил в это время один из проходивших мимо. – Опять больной...

И с этими словами прохожий взглянул на носилки.

– Вот что я вам посоветую, – продолжал он, – несите-ка

вы его лучше поскорее домой. Уверяю вас, сегодня Учитель никого не исцеляет. Он сидит в верхней горнице у Симона и занят беседой со священниками, раввинами и фарисеями, которых много собралось сюда со всех сторон, даже из Иерусалима. Дом и сад давным-давно заполнены людьми, так что ни один человек не сможет пробраться к дверям, а тем более вы со своими носилками!

– Жаль, – промолвил один из носильщиков, – я совсем не рассчитывал, что нам придется нести нашего больного назад.

– О, Вениамин, мой бедный сын! – зарыдал старик, ломая в отчаянии руки.

– Подождите немного! – произнес Стефан, приблизившись к носилкам. – Я уверен, что мы увидим Его, нужно только постараться как следует. Тит, сходи, пожалуйста, посмотри, неужели никаким образом нельзя проникнуть в дом?

Тит пошел, но через несколько минут возвратился, тяжело переводя дыхание от сильного напряжения.

– Невдалеке от садовой калитки есть лестница, которая ведет на кровлю дома. Мне думается, что если бы взойти туда, можно было бы приподнять несколько брусьев в потолке над той комнатой, где находится Учитель, и опустить больного вместе с носилками вниз, – сказал Тит.

– Это хорошая мысль, – воскликнул Стефан, – нужно сейчас же и попытаться исполнить ее!

– Но кто нам дал право портить кровлю ближнего? – ска-

зал старик. – Кроме того, разве прилично отвлекать Учителя, в особенности теперь, когда Он занят серьезной беседой с важными учеными мужами? Один Бог знает, как страстно я хочу, чтобы мой бедный Вениамин был исцелен, но все-таки твой план мне не особенно по душе!

– Батюшка, – проговорил больной, сдерживая рыдания, – я боюсь, что если нам придется воротиться домой, я едва ли перенесу эту дорогу. Я чувствую, что от пережитого напряжения силы совсем оставляют меня. Батюшка, позволь им

снести мои носилки вниз?

Старик все еще колебался, но тут Стефан наклонился к его уху и настойчиво шепнул:

– Позволь же скорее исполнить его волю!

– Ну, хорошо, пусть попробуют, – промолвил старик. – Наконец, я уплачу потом Симону за порчу кровли. Да и ущерб-то невелик...

Четверо молодых людей осторожно подняли носилки и двинулись за Стефаном и стариком, которые на этот раз пошли вперед, чтобы расчистить немного путь.

До садовой калитки идти было сравнительно не трудно, но в самом саду им буквально пришлось протискиваться сквозь густую толпу народа. Наконец, после невероятных усилий они достигли лестницы, а через несколько минут были уже на кровле Симонова дома.

Некоторые из стоявших внизу заметили их маневр.

– Зачем вы туда забрались? – крикнул им снизу кто-то из толпы.

– Хотим немного разобрать кровлю и спустить к Учителю больного, – ответил Тит.

– Вот отсюда и нужно начинать разбирать, – сказал снизу тот же голос. – Учитель находится как раз под этим местом, и, коли угодно, я вам помогу.

Вскоре дюжина сильных рук уже была за работой, и в невероятно короткое время в кровле образовалось отверстие, вполне достаточное для того, чтобы спустить вниз но-

силки с расслабленным.

– Ну вот, все готово! Держите крепче, – произнес Тит, обращаясь к сотоварищам.

Больного с носилками осторожно подняли и медленно, на веревках, начали опускать в отверстие на кровле.

В комнате, где находился Иисус, мгновенно воцарилась тишина. Конечно, все присутствующие здесь понимали, что люди, разбирая кровлю дома, жаждали слышать слово Учителя. Но поняв, что происходит, они были так поражены, что не могли выговорить ни слова! Оставшиеся на кровле тоже, затаив дыхание, с напряжением ожидали, чем окончится их смелое предприятие...

Учитель, все время сидевший при разговорах фарисеев, встал, наклонился над больным и пытливо посмотрел ему в лицо. По бледным, исхудалым чертам, по глазам, устремленным с мольбою на Него, Иисус прочел всю повесть страданий несчастного. Ни о чем не спросив больного, Иисус ласково возложил на его чело Свою руку и произнес:

– Чадо! Отпускаются тебе грехи твои!

Громкий ропот негодования раздался в комнате.

– Он богохульствует! Ведь только Бог имеет власть отпускать грехи! – шептали друг другу длиннобородые раввины с высокими тюрбанами, сидевшие вокруг Иисуса.

Но Учитель обратился к ним и, спокойно глядя им в глаза, произнес:

– Что легче сказать? «Прощаются тебе грехи» или сказать:

«Встань и ходи»? Но, чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, тебе говорю, юноша: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой».

Больной тотчас же встал и, взяв постель, вышел пред всеми. Все изумлялись и прославляли Бога, говоря: «Никогда ничего такого мы не видели»...

Глава 10. Тит у Иaira

Именитый начальник капернаумской синагоги Иаир только что окончил подробный обзор своих владений. Иаир не только пользовался всеобщим почтением и уважением, но и обладал довольно значительным по тому времени состоянием.

Он всегда строго следил за тем, чтобы во всех его владениях поддерживался самый образцовый порядок. Теперь он отдавал различные указания и распоряжения стоявшему пред ним его главному управителю:

– В саду, что около дома, я нашел у тебя беспорядок, Бенони, – говорил он со строгостью. – На траве везде кучи сухих листьев, теплицы тоже не в порядке. Очевидно, произошли какие-нибудь упущения?

– Осмеливаюсь доложить тебе, господин мой, что у меня не хватает слуг, – сказал управитель. – И мне кажется, что нам необходимо будет принять еще одного работника. Если тебе угодно, то я могу купить раба или нанять работника в городе. Новый виноградник действительно нуждается в заботливом уходе и требует много времени и сил, поэтому не было доселе никакой возможности следить за порядком в саду. Поверь мне, что это произошло не от лености твоих слуг или моего нерадения.

– Верю, верю, – перебил Иаир управителя, – я было и за-

был про новый виноградник. Так вот, тогда ты выбери себе подходящего слугу, и пусть он наблюдает за порядком в саду. Только будь осмотрителен в выборе работника, так как моя маленькая Руфь часто гуляет по саду, и она может случайно увидеть что-нибудь непристойное, а я этого вовсе не желаю.

– Все твои приказания будут исполнены в точности, мой благородный господин! – ответил Бенони с низким поклоном и отправился на рынок.

Остановившись на рынке на видном месте, он объявил, что ищет молодого парня для работы в саду его господина, досточтимого Иаира. Вскоре вокруг него собралась уже целая толпа молодых людей, желавших получить место, но своим опытным взором управитель сразу же нашел, что все они не подходят к делу.

Совершенно случайно невдалеке от этого места стояли Стефан с Титом, занимаясь продажей своей рыбы. Продавал, по обыкновению, Тит, а Стефан задумчиво смотрел на пеструю толпу, теснившуюся на рынке. Мир, доселе неизвестный ему вследствие его болезни, теперь с каждым часом представлял ему все новые и новые картины, сменявшиеся как в чудном калейдоскопе. Мощная фигура Бенони немедленно же бросилась ему в глаза, и он с живым интересом следил за всеми его движениями. И как только Тит закончил свою торговлю рыбой, Стефан схватил его за руку и, взглядом указывая на Бенони, шепнул:

– Смотри, вон тот человек хочет нанять себе молодого че-

ловека для работы. Предложи ему свои услуги. Ведь ты мог бы, по крайней мере на время, избежать общества отца и его шайки.

Тит посмотрел по указанному Стефаном направлению.

– Да ведь это еврей! – произнес он, вглядываясь в Бенони. – Ну, уж к нему-то я ни за что не пойду в услужение!

– Да ты не раздражайся, Тит, а рассуди хорошенько, – продолжал убеждать его Стефан. – Ты, по крайней мере, хотя бы переговори с ним!

Через минуту оба юноши стояли уже перед Бенони, и Стефан, видя, что Тит угрюмо молчит, произнес:

– Мы слышали, что ты ищешь себе молодого прислужника?

– Совершенно верно! Только ты для меня еще слишком

молод, – сказал Бенони. – Вот если бы ты был таким же, как этот парень, – указал он на Тита, – тогда ты, разумеется, в состоянии был бы служить в саду моего господина, благородного Иаира.

– В чем же должна заключаться работа? – спросил Тит, которому давно хотелось посмотреть тот величественный дворец Иаира, о котором так часто говорила юношам Приска и который всегда был скрыт от посторонних глаз высокими стенами.

– Я уже сказал, что главные занятия будут в саду, и заключаться они будут в том, чтобы поддерживать в нем порядок: подметать дорожки, следить, чтобы не топтали траву, и прочее.

– Мне кажется, все это я мог бы исполнять, – скромно проговорил Тит. Он уже сам теперь вполне ясно сознавал, что ему во что бы то ни стало необходимо уйти от отца.

Бенони, приписав первоначальную нерешительность Тита одной его скромности и оставшись совершенно довольным его внешним видом, после непродолжительного расспроса заключил сделку, с тем, однако, условием, чтобы Тит в тот же день принялся за новую работу...

Стефан, оставшись один, долго еще смотрел на удалявшихся Бенони и Тита. Горькое чувство одиночества охватило внезапно все его существо. Ему казалось, что никогда уже больше не могут повториться те драгоценные часы, которые

он проводил с Титом на озере, их продолжительные прогулки по полям и лесам, их вечерние беседы на кровле дома.

«Лучше бы я совсем не видел этого управителя», — думал он про себя. В один момент ему даже хотелось догнать Тита и упросить его снова вернуться домой, но через несколько минут мысли Стефана уже приняли другое направление. «Нет! Я должен радоваться, что он ушел, для него это необходимо! Научусь сам управлять лодкой, мне ведь уже пятнадцать лет и сил у меня не меньше, чем у моих сверстников. Матери нужна моя помощь. Теперь Тита не будет дома, и я должен его заменить!»

Погруженный в такие думы, он быстро зашагал по направлению к своему дому, чтобы известить Приску обо всем случившемся.

Тем временем Тит и Бенони успели уже достигнуть Иаирова дома. Это было массивное четырехугольное здание из дикого, довольно грубо отесанного камня. Окон в нижнем этаже совсем не было, зато с каждой стороны дома в стенах была большая входная дверь или, вернее, ворота. Тит и его спутник очутились в сводчатом коридоре, по которому они вышли вскоре во двор.

Вспомнив рассказы Приски, Тит понял, что они находились на так называемом служебном дворе. В середине двора находился колодец, по бокам шли стойла для лошадей и мулов, а на противоположной стороне все свободное пространство занимали необходимые в каждом благоустроенном хо-

зайстве печи и мельницы.

Двор этот представлял чрезвычайно оживленную картину. Все, казалось, здесь находились в самом приятном настроении духа: мужчины за чистой лошадёй смеялись и громко разговаривали друг с другом, а женщины и девушки собирались в кучку у колодца и мирно беседовали. Когда они вошли во двор, все оглянулись на них и с любопытством начали рассматривать нового товарища, а одна девушка, по-видимому, любопытнее всех, подбежала к Бенони и с легким поклоном заговорила:

– А вот и наш Бенони пришел! Госпожа поручила мне отослать тебя к ней, как только ты вернешься. Ты слышал, что на будущей неделе мы все отправляемся на праздник в Иерусалим? Я лично очень этому рада. В Иерусалиме на празднике будет, конечно, веселее, чем в нашем скучном Капернауме.

– Постой, постой! – строго сказал Бенони. – Что это у тебя язык сегодня точно ручей? Ты вот лучше позаботься-ка, чтобы этому молодчику дали чего-нибудь поесть, пока я хожу к госпоже. Я скоро вернусь и потом отведу тебя в сад, – прибавил он, обращаясь к Титу, – и ты должен сегодня же приняться за работу.

– Да, да, чтобы закончить работу до возвращения господина, – заметила Марисса, так звали девушку, насмешливо улыбаясь, – а то со вчерашнего дня, наверное, нанесло целые кучи листьев на дорожки и траву.

Но Бенони уже не слышал ее замечания и быстро скрыл-

ся за одной из дверей дома. Девушка оборотилась к Титу и, осмотрев его с ног до головы, заговорила опять:

– Сегодня наш господин опять говорил о чем-то с Бенони, и Бенони сказал, что нужно будет нанять нового работника в сад. Я случайно услышала их разговор об этом, когда сидела с шитьем на террасе. Твоя работа будет – расчищать дорожки в саду и снимать сухие листья с цветочных кустов. Разумеется, если только хватит у тебя сил для такой «трудной» работы, – прибавила она, лукаво улыбаясь.

– Расчищать дорожки и подрезать сухие листья вовсе не трудно, – в сердцах возразил Тит, заметно покраснев в лице.

– Ну вот, уже и рассердился. У, какой ты! – укорила девушка. – Ты должен только радоваться, что получил такое хорошее местечко. На это местечко многие бы согласились! Бенони наш очень добрый человек, ты сам в этом скоро убедишься. Правда, немного глуповат, ну да это не беда. Пойдем, я тебе дам чего-нибудь поесть и покажу наше хозяйство.

Вскоре Тит убедился, что Марисса говорила ему правду: его работа была легкая и приятная, и, кроме того, он всегда находил все новые и новые предметы для своей живой любознательности. Несколько раз он имел случай видеть хозяйку дома, когда она в своем длинном со шлейфом платье выходила на террасу, а маленькая Руфь, девочка лет двенадцати, ежедневно играла в тенистых аллеях сада. Но дороже всего для Тита было то, что Бенони, узнав, как искусно владеет он лодкой и неводом, стал иногда поручать ему доставлять ры-

бу для господского стола. В этих случаях Тита всегда сопровождал Стефан, и оба они по-прежнему могли вместе проводить на озере по несколько драгоценных часов.

– Теперь я некоторое время не увижу тебя, – сказал однажды Тит во время одной такой ловли Стефану. – Сегодня утром управитель Бенони объявил, что все семейство хозяйина завтра отправится в Иерусалим, и многие из нас, слуг, тоже должны будут идти с ними. Мне придется вести мула, на котором поедет маленькая Руфь. Марисса говорит, что в Иерусалиме мы остановимся во дворце первосвященника, так как наша госпожа – родная сестра жены Каиафы, первосвященника.

– Ты увидишь, значит, много интересного, – задумчиво произнес Стефан, без всякого оттенка зависти. – Как я рад, что научился уже один управлять лодкой. По крайней мере, в твое отсутствие у меня не будет никаких препятствий продолжать наше обычное занятие.

– Да, теперь-то ты превосходно умеешь обходиться с лодкой, – не без некоторого самодовольства сказал Тит, – но возьми во внимание, что ты еще ни разу не испытал бури, а она иногда разражается так внезапно и с такой силой, что таким «опытным» рыбакам, как ты, не трудно и ко дну пойти! Ты не вздумай отправиться на озеро, когда ветер дует не с той стороны, с которой я тебе указывал. Еще больше остерегайся выходить ночью, даже если в лодке вместе с тобой будет кто-нибудь еще. Самое лучшее время для тебя – рассвет.

– Учитель и ученики Его тоже пойдут в Иерусалим. И многие другие с Ним, – проговорил Стефан через несколько минут и затем добавил:

– Ты помнишь, конечно, Вениамина, который был ослабленным и которого Учитель исцелил. Так вот, два дня назад я встретил его, когда он выходил из синагоги. Он узнал меня и стал настойчиво упрашивать, чтобы я шел с ним домой. Он хотел научить меня читать по-еврейски, чтобы я не был язычником и мог сам читать Священное Писание. С этой целью он вручил мне пергаментный свиток, который он сам изучал, когда был таких же лет, как я. Он читал его, лежа на одре своей болезни, будучи не в состоянии даже пошевелиться. Он научил меня читать один псалом. Хочешь послушать?

Тит кивнул головой в знак согласия, и Стефан громко и отчетливо начал: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благодать и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни!»³.

³ Ср. Пс. 22

– Не правда ли, какой чудесный псалом? – спросил Стефан. – И у них много таких, и я их все выучу наизусть. Вениамин говорит, что нужно также изучать Закон, но он мне не так нравится, слишком уж много там запрещений, все их не запомнишь.

– А ведь ты, пожалуй, чистейшим фарисеем станешь, – заметил Тит не без горести, – и я вижу, что ты уже пришел к своему платью широкие кисти и на лбу стал носить повязку, как фарисей.

– Да нет же! – скромно возразил Стефан. – Я во всем хочу подражать Учителю, и я уверен, что Он не фарисей!

– Знаешь что, Стефан, – проговорил Тит после небольшой паузы, во время которой они спускали в воду свою сеть, – псалом, который ты мне прочел сейчас, показался мне чрезвычайно знакомым, как будто я слышал его уже бесчисленное множество раз и затем снова забыл. Мне иногда еще кажется, что когда-то, будто во сне, я видел и чей-то дом, подобный дому Иаира...

– Просто ты так часто слышал рассказы матери о богатом доме, где она жила в молодости, вот тебе и кажется, что ты сам когда-то все это видел, – заметил Стефан.

– Ну, а псалом-то как же мог быть мне известен? – спросил Тит. – Разве мать пела так его когда-нибудь...

И он начал медленно, размеренным речитативом петь псалом. После нескольких строк он прервал псалом восклицанием: «Забыл немного!»... и погрузился в глубокое мол-

чание, несмотря даже на то, что Стефан продолжал еще без умолку говорить, не обращая внимания на своего рассеянного слушателя.

Глава 11. Путешествие Иаира в Иерусалим

Утро только началось, на небе не успели еще погаснуть ночные звезды, а на обширном дворе дома Иаира уже наблюдалось большое оживление: слуги то и дело сновали взад и вперед с громкими криками, погонщики выводили мулов и нагружали их узлами и коробами, целыми грудками лежавшими на гладко вымощенном подъезде. Посредине двора стоял Бенони, совершенно спокойно и с некоторым достоинством дававший слугам свои распоряжения и выговоры. Когда выючные животные были нагружены и выведены за ворота на улицу, Бенони приказал оседлать лошадь и вывести мулов для самого хозяина и его семейства.

— Время-то проходит незаметно, — говорил он слугам, — живее, живее, дети! До полудня мы должны сделать целый переход!

Вскоре был выведен из конюшни великолепный арабский скакун. По его большим темным глазам, маленькой голове и стройным, тонко очерченным членам сразу же можно было догадаться о его благородном происхождении. За лошадью погонщики вели несколько крупных, гладко вычищенных скребницами мулов, увешанных всевозможными украшениями. После этого Бенони отправился в дом сообщить хозяину, что все готово к отъезду, и вскоре вышел в сопрово-

вождении самого Иаира, супруги его, благородной Сарры, маленькой Руфи и нескольких служанок, несших различные ковры и покрывала.

— Я так рада, что мы наконец едем! — воскликнула маленькая Руфь. — Ах, вот и моя милая старая Бека!

И с этими словами девочка ласково потрепала белую как снег морду своего любимого мула, стоявшего несколько в стороне от других.

— Ну постой же, душенька, — ласково остановила ее мать, — пусть Бенони подсадит тебя в седло.

Но в это время Тит ловко поднял девочку и усадил ее на спокойное животное.

— Смотри, мама, Тит умеет сажать даже на седло, — радостно говорила Руфь. — Я рада, что ты поведешь мою Беку, — продолжала она, гладя ручкой лоснящуюся шею животного, — мы будем с тобой дорóгой разговаривать, по крайней мере. А то в последнюю поездку мою Беку вел старик Аза и, сколько я с ним ни пробовала говорить, он ни одного моего слова не понял, потому что он глухой.

Тит улыбнулся и ничего не сказал.

Сказать поистине, он чувствовал себя смущенным в присутствии этой девочки, которая своими пронизательными темно-карими глазами, золотистыми выующимися волосами походила на существо какого-то другого мира.

Наконец, все было готово и караван медленно двинулся в путь. Бенони облегченно вздохнул, отер с лица пот и, сказав еще несколько слов своему помощнику, который в его отсутствие должен был смотреть за домом и оставшимися слугами, вскочил на лошадь и галопом присоединился к остальным всадникам.

Руфь рядом с Мариссой ехала за своей матерью. Впереди них ехал Иаир с толпой вооруженных слуг, а за ними тянулись погонщики с различными навьюченными животными,

нагруженными разными дорогими подарками к празднику, дорожными палатками, провизией и вообще всем, что было необходимо для путешествия.

Как ни было еще рано, город кипел уже полною жизнью, и караван, пробираясь по улицам, естественно обращал на себя внимание каждого встречного.

Супруга Иaira плотнее закуталась в вуаль и приказала Руфи сделать то же самое. Девочка обвела вокруг своими блестящими глазками и с видимым неудовольствием исполнила приказание матери.

К своему изумлению, Тит на углу одной из улиц увидел внезапно Стефана, который вместе с другими стоял с сетями на плечах и смотрел на проходивший караван. Увидев Тита, он даже покраснел от волнения и, подняв кверху пойманную рыбу с очевидным намерением показать ее Титу, крикнул ему вслед:

– Прощай, Тит! Да хранят тебя боги!

– Кто этот юноша? – с любопытством спросила Руфь. – И почему он говорит «да хранят тебя боги», как будто их существует несколько?

– Это мой брат Стефан, – ответил Тит, – а говорит, что боги... это потому, что с малолетства привык к таким выражениям. Ведь мы родом греки.

– Полно, Тит, – возразила девочка, – я много видела греков, и ты совсем не похож на них; у тебя черты чистокровного еврея, и ты напоминаешь мне чье-то знакомое лицо, но

вот чье только, не могу вспомнить сейчас. Расскажи мне что-нибудь о своем брате, ты его, кажется, назвал Стефаном?

– О, я могу рассказать о нем нечто чрезвычайное. Ведь он был у нас калекой и не мог владеть ни одним членом своего тела, пока не исцелил его Иисус, Великий Чудотворец! Теперь он, как видишь, так же здоров и крепок, как и другие юноши, хотя он до сих пор еще сохранил детское, нежное выражение лица. Мне, по крайней мере, так кажется, – прибавил Тит скромно.

– Да, да, конечно, – произнесла Руфь с оттенком нетерпения. – Но неужели он действительно совсем выздоровел и может бегать и прыгать, как другие? Расскажи же мне, как это произошло. Только, пожалуйста, подробнее!

Тит начал рассказывать со всеми подробностями историю исцеления Стефана и маленького Гого. Руфь слушала внимательно, лишь изредка перебивая рассказ своими вопросами.

– Да, это хорошая история! – воскликнула она по окончании рассказа, захлебываясь от восторга.

– Я точно видела Этого Назарянина, – прибавила она после небольшой паузы. – Мне кажется, Он самый великий Человек, самый красивый, самый добрый во всем свете! Мне очень хотелось поговорить с Ним хотя бы раз, но мать мне этого не позволяла, потому что около Него всегда так много народу!

В это время караван вышел уже из черты города и начал

подниматься на небольшой, но крутой отрог гор, которые со всех сторон окружало красивое Геннисаретское озеро.

На дороге часто попадались довольно крупные камни, и Тит должен был напрягать все свое внимание, чтобы провести мула по более удобным тропинкам. Заботливая мать несколько раз оглядывалась назад, чтобы посмотреть на свою крошку, и всякий раз при этом слышала ее веселый смех.

Через час вершина холма была достигнута и караван остановился на несколько минут, чтобы отдохнуть после трудного подъема.

Взорам путников представлялась прелестная картина: на тысячу футов ниже их расстилалась зеркальная поверхность огромного озера, на котором кое-где виднелись пестрые паруса судов. Спускавшийся террасой к озеру холм покрывали блиставшие яркой зеленью деревья, кое-где виднелись живописно расположенные деревушки, а далеко на горизонте сияла снежная вершина горы Ермон.

– «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя»⁴, – тихо произнесла Сарра.

Для Тита наступили теперь счастливые дни. При его крепком телосложении путешествие не могло причинить какого-нибудь вреда его здоровью и даже не влекло за собой осо-

⁴ Пс. 120; 1

бенной усталости.

А между тем, постоянная смена впечатлений, новизна обстановки, живописные вечерние костры на ночевках, а главное – все увеличивающаяся привязанность к нему маленькой Руфи служили для него источником неисчерпаемых, неведомых ему раньше наслаждений. Все, что могло огорчать его молодую жизнь, осталось далеко за ними, и его душа все больше и больше открывалась для новых впечатлений окружающей его среды.

На четвертый день пути стала уже заметна близость Священного города, так как все чаще и чаще стали попадаться на пути караваны богомольцев и большие стада овец и быков, предназначенных для праздничных жертвоприношений.

Многие из богомольцев пели на ходу священные песнопения, и ветер далеко разносил по долинам отрывки этих песнопений:

«Вот стоят ноги наши во вратах твоих, Иерусалиме. Иерусалиме, устроенный как город, слитый в одно, куда восходят колена, колена Господа, по закону Израилеву славить имя Господне. Там стоят престолы суда, престолы дома Давидова.

Просите мира Иерусалиму, да благоденствуют любящие тебя! Да будет мир в стенах твоих, благоденствие в чертогах твоих...»⁵

⁵ Ср. Пс. 121; 2-4.

Глава 12. Семья Иаира и Каиафы

– Говорю тебе, что нельзя дальше терпеть подобные вещи. Этот Человек с каждым днем изрыгает все новые богохульства, – сказал сердито Каиафа.

Он беспокойно шагал взад и вперед по кровле своего дворца, а его собеседник и гость, Иаир, полулежал недалеке от него на мраморной скамье. В некотором расстоянии от мужчин сидели сестры и безмятежно наслаждались свиданием после долгой разлуки. А маленькая Руфь, опершись локтями на перила, с изумлением смотрела своими большими детскими глазами на чудную панораму священного города, расстилающуюся перед ее взором.

– Ты ведь слышал, как Он выразился сегодня по поводу так называемого исцеления хромого при купальне Вифезда: «Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну». Под Сыном Он разумеет, конечно, Себя Самого. А дальше Он сказал: «Дабы все чтили Сына, как чтут Отца». Как тебе нравятся эти слова? Затем Он начал говорить об Иоанне, которого недавно заключили под стражу. «Есть другой, – говорил он, – свидетельствующий обо Мне. И Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует обо Мне».

– Действительно, Он говорил все это, – ответил Иаир, который до сих пор лишь молча слушал речь Каиафы. – Но Он сказал еще и нечто другое: «Я имею свидетельство больше

Иоаннова, ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют обо Мне, что Отец послал Меня!» При своем суждении об Этом Человеке ты совершенно оставляешь без внимания те чудесные исцеления, которые Он совершает ежедневно. Что ты можешь сказать, например, против такого исцеления, как исцеление, совершенное над человеком, по достоверным известиям, пролежавшим 38 лет на одре болезни, не будучи в состоянии владеть своими членами? А Назарянин совершенно исцелил его одним только словом Своим!

– Да, все это так. Но ты заметь, – с жаром произнес Каиафа, – что все это происходит в субботу. В субботу Он исцеляет, говоря: «Встань, возьми одр твой и иди в дом твой». Как тем, что Он исцелил его, так и тем, что Он приказал ему взять на плечи свой одр и идти домой, Он преступил Закон. Он виновен поэтому в богохульстве, так как все это происходит в благословенную субботу. А знаешь, какому наказанию за это Он должен подвергнуться?!

Ни один из собеседников не заметил, как маленькая Руфь незаметно подошла к ним и с боязливым личиком следила за их разговором, пока сама не обратилась к Каиафе с вопросом:

– Ты говоришь об Иисусе Назарянине, дядюшка Иосиф?

– А почему же ты об этом спрашиваешь, душенька? – тихо спросил Каиафа, ласково кладя свою руку на золотистую головку девочки.

– А потому, дядюшка, что я знаю Его и часто видела Его, – ответила девочка, – и если Он действительно Сын Божий, как Он утверждает, то неужели же Он не имеет права исцелять в субботу, ведь суббота установлена Его же Отцом! – с жаром высказалась девочка.

– Дитя рассуждает справедливо, – с нескрываемой гордостью заметил Иаир, – и я тоже хотел предложить как раз этот же самый вопрос.

– А я прямо бы ответил на это, что Он говорит богохульные речи и что вся Его деятельность есть богохульство, – возразил Каиафа, – так как мы хорошо знаем, что Он Сын простого плотника, и даже Сам Он плотник и еще недавно зарабатывал Себе хлеб трудами рук Своих. Он родом из Назарета, а разве может что-то доброе выйти из Назарета?

– Но, дядюшка, – продолжала девочка, – как же Он мог творить такие чудеса, если бы Бог не был с Ним?

– Что бы ни говорили о Нем, я все-таки люблю Его! – продолжала она в волнении и, не дождавшись ответа на свой вопрос, закончила: – Я твердо уверена, что Он Тот, за Кого и выдает Себя, что Он есть Сын Божий.

– Успокойся, доченька, – ласково начала ее унимать Сарра, – девочкам твоего возраста совсем не прилично спорить со своим дядей о таких предметах. Не забывай, что он первосвященник в святом храме Божиим. Пойдем со мной, тебе уже пора спать.

С этими словами Анна и Сарра удалились, ведя за собой

расплакавшуюся Руфь.

Когда шум шагов и шелест платьев спускавшихся по лестнице женщин затихли, Иаир обратился к Каиафе, который молча смотрел на облитые ярким румянцем вечерней зари башни и стены священного храма:

– Брат мой! Мне кажется, настало время тяжелой ответственности для начальников всего народа. Если то, что высказала моя дочь сейчас, – истина (а я в этом почти не сомневаюсь), то не ужасным ли будет преступление, если мы отвергнем Помазанника Божиего?!

Каиафа несколько минут молчал, потом медленно повернулся лицом к Иаиру и с серьезным видом произнес:

– Ты – богобоязненный человек и брат мой! Не будем же лучше продолжать разговор об этих вещах, чтобы нам окончательно не разойтись с тобою во мнениях. Скажу только тебе раз и навсегда, ясно и определенно: по моему рассуждению, Этот Человек заслуживает смерти, и Он умрет, так как лучше одному человеку умереть, нежели всему народу погибнуть. И, сказав эти пророческие слова, он слегка задрожал и взглянул на небо.

Тем временем Сарра и Анна укладывали в постель маленькую Руфь в одной из прохладных горниц дворца. Девочка, склонившись около матери на колени, прочитала несколько молитв и псалмов и спокойно улеглась на великолепную кровать с резными ножками и золототканым пурпуровым пологом.

– Расскажи мне, мама, какую-нибудь историю, – начала она упрашивать мать. – Вот, например, о Давиде и великом Голиафе, ну пожалуйста.

Мать словами Священного Писания начала рассказывать дочери хорошо знакомую ей с детства историю.

– Это одна из моих самых любимых историй, – воскликнула девочка, когда мать окончила рассказ. – Я очень хотела бы посмотреть на маленького Давида, когда он встал ногой на грудь Голиафа и отрубил огромным мечом его старую, безобразную голову.

На минуту она погрузилась в свои мысли, как бы желая представить себе эту картину, а потом живо продолжила опять:

– А знаешь что, мама, я думаю, что Давид был похож на нашего Тита – слугу!

– Разве это возможно, милая? – возразила мать. – Ведь ты знаешь, что Тит наш родом грек!

– Да, я это знаю, но я часто ему самому говорю, что он не грек, потому что у него не греческие черты лица. Ну скажи сама, мама, – разве он со своим смуглым лицом, орлиным носом и большими блестящими глазами не напоминает еврейского мальчика? Лицо у него, как... как... А... я поняла! Лицо у него, как у дяди Иосифа!

При этом от возбуждения девочка даже поднялась с постели.

– Дитя мое, – произнесла мать ласково, но твердо, – что

с тобой сегодня? Ляг опять на подушку и спи, а то тебе в голову лезут разные глупости и бессмыслицы. Я посижу тут недалеко от тебя на террасе, но ты должна дать мне обещание вести себя смирно и спокойно лежать в постели!

– Кто этот юноша, о котором говорит твоя девочка? – спросила вдруг Анна, когда обе сестры вышли из спальни и уселись на террасе.

– Это один молодой человек из Капернаума, которого недавно наш верный Бенони нанял для работы по саду. Интересно то, что моя дочурка сразу же почувствовала к нему большую симпатию и упростила меня назначить его проводником ее мула. Он действительно, кажется, добрый и честный, хоть и грек по происхождению, как я слышала. В последнее время Руфь, вероятно, много волновалась, оттого она и мелет такую чепуху. Надо будет мне постараться найти для нее какое-нибудь полезное занятие.

– Я видела этого юношу, и мне он тоже очень понравился, – задумчиво произнесла Анна. – Ты точно знаешь, что он по происхождению грек?

– Да, хорошо знаю, – ответила Сарра. – По просьбе Руфи я лично через Бенони разузнала о нем. Его отца зовут Думахом.

Угадав мысли сестры и желая дать им другое направление, она начала говорить на другую тему:

– Ну вот, теперь мы одни, и я расскажу тебе все, что узнала об учении Этого Назарянина. Я уже давно хотела побли-

же познакомиться с Его учением, о Нем ведь ходят различные слухи, так что не знаешь, чему и верить. И вот, когда мы узнали, что Он находится на пути в Тивериаду, мы с мужем немедленно собрались и в сопровождении одного только Бенони, чтобы не привлекать внимания народа, отправились на мулах за Ним. Через некоторое время мы встретили толпу народа,двигающуюся в том же самом направлении. Все они ни о чем ином не говорили, как только о чудесах и исцелениях, совершенных Иисусом. Среди толпы Бенони указал нам нескольких людей, которые были исцелены Им. Примечательно, что Бенони тоже очень заинтересован Этим Человеком. Наконец, мы узнали, что Иисус находится в Гаттине; ты, конечно, припоминаешь это место? Это деревушка в двух часах пути от Капернаума, у подножия горы с двумя вершинами, она и называется поэтому рогами (Гаттина). Из нашего дома в Капернауме ясно можно видеть эту гору. Прибывши в Гаттину, мы увидели большую толпу народа из разных слоев общества, собравшуюся сюда из разных мест. На наш вопрос, где Назарянин, нам ответили, что Он находится наверху горы и что с Ним беседуют сейчас избранные Его ученики. Через некоторое время мы увидели Его спускающимся с горы вместе с учениками, и немедленно же Его окружила толпа ожидавших Его людей, особенно те, которые принесли с собой больных и ждали от Него исцеления. Нам с Иаиrom не удалось пробраться к Нему поближе, и мы не видели, какими болезнями страдали принесенные боль-

ные, но, судя по особенному возбуждению толпы, громким крикам радости и благодарности и торжественным возгласам «Аллилуйя!», мы заключили, что все больные без исключения были исцелены Иисусом. Между тем, мы все еще старались протиснуться сквозь толпу, и, наконец, нам удалось настолько приблизиться к Назарянину, что мы ясно слышали Его речь. Он сидел на выступе скалы и, когда обращал Свой взор на окружающую Его толпу, лицо Его имело такое необыкновенное выражение, что живо напоминало о небесных ангелах, о которых говорится в Священном Писании. Через несколько времени Он начал говорить... О, Анна! Я хотела бы тебе передать каждое Его слово, если только буду в состоянии это сделать! Речь Его дышала неземной мудростью. Кажется, если бы явился сам законодатель Моисей и спустился прямо со священной Синайской горы, то и Он не мог бы говорить с такой силой! Иисус начал с провозглашения блаженств. К сожалению, я не могла их запомнить все, но одно из них произвело на меня особенно сильное впечатление и потому удержалось в памяти. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», – говорил Он. Он называл блаженными кротких, милостивых, чистых сердцем и тех, кто ради Христа будет терпеть поношения и даже изгнание. «Блаженны вы, – сказал Он, взглянув на учеников Своих, – когда возненавидят вас люди из-за Меня, когда они будут преследовать вас несправедливо. Радуйтесь и веселитесь, ибо награда ваша велика будет на небесах: так гнали и пророков, бывших

прежде вас. Вы – свет мира. Не может город укрыться, стоя наверху горы, и не зажигают светильник и не ставят его под сосудом, но на подсвечник, чтобы он светил всем, находящимся в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Ср. Мф. 5:11-16 – ред.).

– Потом я слышала, – продолжала Сарра, – как Он говорил ученикам Своим, что Он вовсе не имеет намерения разрушить закон или пророков, но что, напротив, Он хочет исполнить их и что не пропадет одна малейшая черта в законе, пока все не будет исполнено. И дальше учил: «Необходимо, чтобы наша праведность превосходила праведность книжников и фарисеев. В противном случае мы не сможем войти в Царствие Небесное!». Затем Он стал подробнее говорить о законе и указывал на то, что всякий, кто без основания гневается на брата своего, так же преступает закон, как и убийца, что кто живет в ссоре с другими, тот не может приносить жертвы Богу, и не нужно противиться силою тому, кто прибегает к насилию, но, наоборот, нужно постыдить его своим великодушием. Он говорил, что мы должны любить не только друзей наших, но и ненавидящих нас и причиняющих нам зло, если мы желаем быть детьми Отца нашего Небесного. Мы должны молиться за врагов наших, потому что Отец Небесный велит восходить солнцу над злыми и добрыми, над праведниками и грешными. И, если мы оказываем приязнь только друзьям нашим и делаем добро только тем, кто сам

делает нам добро, мы поступаем нисколько не лучше язычников. Одним словом, мы должны стараться быть такими же совершенными, как совершенен Отец наш Небесный. «Берегитесь, – говорил Он дальше, – раздавать милостыню вашу перед людьми, с тем чтобы они вас видели, иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Милостыня, сделанная втайне, а не на глазах людей, будет вознаграждена явно». Также Он осуждал лицемерную молитву...

– Ты ведь знаешь, – с волнением говорила Сарра, – как иногда молятся наши книжники и фарисеи на глазах у всех, и я часто, признаюсь, сомневалась, действительно ли они отдают отчет своим действиям, стоя на молитве на углу улиц. Назарянин объяснил, что они делают это только для того, чтобы их видели и прославляли окружающие. Но такая молитва, говорит Он, не может приносить им никакой пользы. «Если ты хочешь, чтобы молитва твоя была услышана и исполнена, то войди в комнату твою, и затвори за собой дверь, и там помолись Отцу Небесному втайне! И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. Молясь же, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им, ибо знает Господь, в чем нужда ваша, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же вы так: “Отче наш, Сущий на небесах! Да святится Имя Твое! Да приидет Царствие Твое! Да будет воля Твоя и на земле, как на небе! Хлеб наш насущный дай нам на сей день. И прости нам долги наша, как и мы прощаем

должникам нашим! И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого! Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь!”».

– Прелестная молитва! – воскликнула Анна, радостно блеснув глазами. – Его учение совершенно отлично от того, какое известно было нашему народу, с тех пор как Моисей вывел его из Египта. И не правда ли, Его учение как бы запечатлено истиной?

– Да, и мне так кажется, – ответила сестра.

– Расскажи еще что-нибудь, Сарра, я совсем не устала слушать! Мне кажется, я не наслушаюсь вдоволь твоих речей.

– Я боюсь, что не сумею рассказать тебе все по порядку, но я все-таки постараюсь передать тебе хоть отрывочно Его учение. Он советовал, например, не собирать земных сокровищ, так как они легко уничтожаются молью и ржавчиной и похищаются ворами. И все ведь это сущая правда, дорогая Анна!

– Да, конечно, – проговорила Анна со вздохом, вспомнив о том драгоценном ожерелье, которое у нее украли воры.

– Собирайте себе сокровища на небе, – продолжала Сарра, – там ни моль, ни ржа не истребляют и воры не подкапывают и не крадут. И не заботьтесь о завтрашнем дне, потому что Отец наш Небесный знает Сам, что вы имеете нужду и в пище, и в одежде, и в кровле. Если Он одевает лилии полевые, которые вовсе не трудятся, то может ли Он забыть о детях Своих?

– Прежде всего, – с волнением говорила Сарра, – и главнее всего нужно искать Царствия Божия и правды Его, а прочее же все дано будет нам! Не судите, говорит Он еще, потому что мы часто сами имеем больше грехов, чем другие, и как мы судим теперь наших ближних, так будут судить когда-нибудь и нас. Бог гораздо милостивее и щедрее к детям Своим, когда они молятся Ему, чем земные родители к своим детям. Поэтому, если мы будем нуждаться в чем-нибудь, мы должны просить об этом только Отца нашего Небесного, и, если это нужно нам для истинного блага, мы, несомненно, получим просимое. И если мы хотим исполнять Закон и пророков, – заметь, какая замечательная у Него мысль, – мы должны поступать с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с нами. Заключительные слова Его привели нас

в изумление, так как в них Он ясно открыл, что Он от Бога послан! «Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: "Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили?". И тогда объявлю им: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие". Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое». И, когда Он окончил эти слова Свои, громкий крик изумления вырвался у всех! И действительно, Анна, властная была Его речь! Жаль только, что я не смогла, наверное, тебе передать ее точно. Впрочем, ты сама можешь послушать Его здесь!

– Да, да, мне очень хотелось бы послушать Его! – задумчиво произнесла Анна и затем, понизив голос, прибавила: – Ты знаешь, что думают о Нем мой супруг и наш отец? Поэтому для меня мало остается надежды услышать Его.

– Да, я уже все знаю и жалею тебя, – печально промолвила

Cappa.

Глава 13. Болезнь дочери Иaira

Тихо насвистывая какую-то мелодию, Тит крепко привязывал длинные ветви дикого винограда к шпалерам. Работа эта была не из легких, и, когда он окончил ее, на его открытом лбу виднелись крупные капли пота, а лицо его от сильного напряжения стало почти багровым. Медленными шагами он подошел к фонтану, сел на край его мраморного бассейна и в изнеможении опустил свои руки в холодную воду. «Что за благодать эта водица», – тихо говорил он про себя, быстрыми движениями сбрасывая с рук капли воды. Вытерши руки о полу своей одежды, он с видимым удовольствием посмотрел в сторону сада.

С самого раннего утра он работал здесь без устали, и ни на минуту не дал себе отдыха. Теперь его взор быстро перебежал от тенистых, содержащихся в чистоте аллей сада к мягкой, шелковистой траве, к кустам прелестных цветов и к живописным гирляндам дикого винограда.

– Ну, теперь, кажется, все в порядке, – произнес он вслух и тут же подумал: «Как-то это покажется Бенони? Глаза у Бенони орлиные, и он сразу же замечает малейший беспорядок».

В этот момент под одной из мраморных скамеек сада Тит заметил какой-то пестрый предмет. Он быстро наклонился и поднял его с земли. Найденный предмет оказался детским

мячом, окрашенным в голубую, розовую и желтую краски.

— Где же это сегодня наша маленькая госпожа? — произнес он, вертя мяч в руках и с улыбкой осматриваясь по сторонам.

— А вот и Марисса, — увидел он и окликнул показавшуюся девушку.

Марисса быстро проходила по двору с пустым жбаном в руках. Услышав голос Тита, она остановилась и повернулась к нему лицом. Подойдя к ней поближе, Тит сразу же заметил, что она была против обыкновения слишком серьезной.

— Вот мячик, который, должно быть, потеряла маленькая барышня, — обратился он к Мариссе, — не передашь ли ты его ей? Я бы и сам мог передать, да сегодня ее что-то не видно в саду.

— Она больна, — ответила Марисса. — Госпожа послала уже за лекарством, а я вот спешила за горячей водой.

Тит раскрыл дверь, соединяющую между собой внутренний и внешний дворы, и пошел за Мариссой.

— Что же случилось с ребенком? — спросил он участливо, когда Марисса стала наливать в свой жбан воду из кипящего котла.

— Да мы и сами точно не знаем, — ответила Марисса. — У нее лихорадка, и еще она жалуется на головную боль. Ей стало нездоровиться тотчас же после приезда из Иерусалима.

— А где же сам господин?

— Да и он тоже около нее, и мать, и старушка Тавифа, все там. Тавифа с самого детства привыкла ходить за больны-

ми, я уверена, что она больше лекаря понимает насчет разных болезней. Мне страшно становится, как подумаю, что маленькая девочка должна будет принимать разную стряпню этих лекарей. Помню, когда я лежала в лихорадке, так они давали мне пить скорпионовую кровь пополам с вином. Но я не стала принимать эту гадость, и, как только мне ее принесли, я взяла да и вылила ее на пол: пусть, думаю, лучше пропадет лекарство, чем пить такую пачкотню!

С этими словами она быстро подняла свой жбан с водой и так же быстро удалилась, предоставив Титу сообщить печальную весть о внезапной болезни маленькой Руфи другим слугам, успевшим уже собраться вокруг них целой толпой. Удовлетворив их любопытство, Тит поспешил оставить их шумное общество; их мрачные предсказания и многозначительные покачивания головами приводили его в отчаяние.

– Точно стадо баранов, – бормотал он про себя. – Только и умеют охать да головами качать. И что за оханье и бестолковая беготня, и дела-то никакого нет, болен ли ребенок или здоров.

Отзываясь так неодобрительно об этих людях, Тит был далеко не прав, и он сам хорошо знал, что ни одного человека нет в доме, который бы не любил маленькую Руфь. Расхаживая в беспокойстве по двору, он вдруг заметил, что двери, ведущие на улицу, отворены, и через несколько минут он почти бессознательно очутился за дверью. Не отдавая себе отчета в своих поступках, он задумчиво направил шаги к

тому месту, где был его родной дом.

– Хорошо бы сегодня увидеть Стефана! – говорил он дорóгой.

А маленькая Руфь, между тем, беспокойно ворочалась на своей постельке в одной из комнат, выходящих на внутренний двор.

– Мамочка, мамочка, моя голова! – беспрестанно говорила она.

И с болью в сердце мать видела, как лихорадочная краска постепенно выступала на щеках ее дочери и неестественным блеском горели запавшие глаза.

Добродушная старуха Тавифа стояла подле кровати и время от времени мочила в воде кусок сложенной в несколько раз ткани, которой был обложен пылающий лоб больной девочки.

– Нужно кровь от головы отогнать! – говорила при этом умудренная долголетним опытом старуха. – Эх, нужно бы дать ей настоящего лекарства; одной водой тут не поможешь.

Пока она говорила последнюю фразу, доложили о прибытии лекаря. В комнату больной через несколько минут вошел высокий длиннородый мужчина в богатой одежде, в сопровождении маленького чернокожего невольника, несшего за ним различные инструменты и медикаменты. Сделавши почтительный поклон Иаиру, лекарь подошел к постели больной, сурово нахмурил брови и, сжав губы, начал ее осматривать. В заключение осмотра он положил свою тяже-

люю руку на голову ребенка и при этом так громко крикнул, что несчастная девочка вздрогнула всем телом и спрятала свое личико в складках материнского платья.

— У нее сильный жар, — произнес наконец лекарь довольно приятным низким баритоном.

Потом он обратил свой взор на Тавифу и, видя, что она готовится положить на голову Руфи свежий компресс, немым жестом остановил ее.

— Оставь-ка ты эти глупости, старуха, — строго заметил он, — вода хороша только для здоровых людей, а здесь она может принести только вред.

Тавифа в ответ пожала только плечами и в недоумении пробормотала несколько бессвязных слов.

Между тем, лекарь кивком головы подозвал своего раба, взял из его рук маленький оловянный сосудец и стал наливать в него из различных склянок какие-то темные жидкости и примешивать к ним серый порошок. Потом он снова сделал знак чернокожему, тот вынул из своего ящика мертвую змею и передал ее своему господину. Лекарь привычными руками с замечательной ловкостью снял со змеи кожу, еще раз громко крикнул и произнес:

— Вот эту кожу нужно разделить на три части: одну часть нужно положить ребенку на лоб, а две другие к подошвам ног, а из напитка, который я составил, нужно давать девочке каждый час по большой ложке. И если Иегова не судил ей умереть, то через семь дней она будет жива и здорова. Вече-

ром я еще раз зайду попроведать больную. Во всяком случае, было бы хорошо, – добавил он, взглянув на Тавифу, – удалить из комнаты эту старуху!

Отвесив затем низкий поклон хозяевам, он хотел было уже удалиться из комнаты, как его остановил Иаир.

– Господин лекарь! – произнес он умоляющим голосом. – Ради Бога, скажи мне, из чего составлен этот ваш напиток?

– Собственно, у нас не в обычае открывать тайны своего искусства непосвященным, – ответил лекарь, – но для вас, так и быть, сделаю исключение. Слушайте же! Напиток этот, как вы сами вскоре убедитесь, имеет чрезвычайно целебную силу; он содержит, во-первых, желчь кабана, растворенную в уксусе, во-вторых, пепел волчьего черепа, смешанный с жиром ехидны, и, наконец, пепел кости черепа морского орла, пойманного в полнолуние. Эта кость истолчена в порошок вместе с когтями скорпиона. Если даже принять ее одну, все-таки будет большая польза, а взятая вместе с перечисленными уже мною средствами, она будет обладать такими чудесными качествами, что больная непременно выздоровеет, как бы ни была сильна ее болезнь.

Еще раз почтительно раскланявшись, лекарь в сопровождении чернокожего слуги оставил комнату. Как только исчез он за дверью, старушка Тавифа бросилась на колени перед своей госпожой и, всхлипывая от рыданий, проговорила:

– О, ради Бога, не удаляй меня от девочки, госпожа моя! Я сделаю все, что прикажешь, только позволь мне остаться

здесь. Клянусь тебе, я не сделала никакого вреда ей, да и вы сами видели, что холодные компрессы облегчали ее страдания. И вообще, разве змеиная кожа может быть полезнее свежей воды!

– Успокойся, Тавифа, – ответила старушке Сарра, быстро вытирая слезы, выступившие у нее на глазах, – я совсем не думаю тебя отсюда удалять. Как же я без тебя обойдусь?

– А ты, Иаир, что думаешь о напитке? – продолжала она, обращаясь к мужу. – Я что-то боюсь его давать Руфи! Ты только посмотри, какая безобразная кожа! Право, не стоит употреблять в дело эту отвратительную слизь, даже прикасаться к этому неизвестному напитку.

– А вот как я думаю об этих лекарствах! – с раздражением проговорил Иаир, хватая змеиную кожу и оловянный сосуд с напитком и выбрасывая их за окно. – Если уж суждено нашей дочке умереть, то пусть она, по крайней мере, не осквернится такой нечистотой! Успокойся и ты, Тавифа, и ухаживай за больной, как сама знаешь. А ты, Марисса, ступай и скажи привратнику, чтобы не впускал больше этого лекаря, и пусть он от моего имени передаст ему вот этот золотой. Довольно с него и этого!

Вскоре девочка, вследствие ли сильного возбуждения, испуга или оттого, что болезнь постепенно все усиливалась, начала бредить. То ей казалось, что она находится в Иерусалиме, и она начинала бессвязно лепетать о процессиях, храме и храмовом пении, то вдруг ей показалось, что она едет на

муле на прогулку и что Тит собирает для нее огромный букет полевых цветов. Один раз она даже вскочила с постели, протерла ручкой глаза и радостно воскликнула:

– Тит, я вижу Учителя! Вот Он идет по лугу, посмотри, как склоняются лилии, когда их касаются полы Его одежды! Наконец-то мне можно будет говорить с Ним!

С этими словами она упала на подушку и снова нача-

ла шептать какие-то бессвязные слова. И в эту минуту у несчастной матери в голове ярким лучом мелькнула мысль о великом Чудотворце. Она встала и подошла к окну, где стоял с опущенной головой ее супруг, нежно положила к нему на плечо свою голову.

– Дорогой мой, – проговорила она, – в страхе за дочку мы и забыли совсем о Чудном Назаряnine! Разве Он не сможет исцелить нашего ребенка, как исцелил Он уже многих неизлечимых больных?

При этих словах Иаир вострепнулся и искра новой надежды блеснула у него в глазах.

– Ты права, милая Сарра, – произнес он с волнением, – я действительно совсем забыл о Нем. Если нам кто-нибудь вообще может помочь, то это только Он! Я сейчас пойду и разужнаю, где Он теперь находится.

Тит неподвижно сидел у колодца, устремив свой взор на ворота внутреннего двора. Почти уже целый час он сидел здесь и все ждал, не выйдет ли кто-нибудь из ворот. Немудрено поэтому, что, когда в них показался Бенони, Тит стремительно сорвался со своего места и подскочил к нему с вопросом:

– Ну, что с нашей больной девочкой?

– Кажется, опасно захворала, – печально ответил слуга. – Если в самом скором времени не будет оказана помощь, смерть неизбежна! И сейчас я пойду искать Назарянина, мы думаем, что только Он поможет!

– Да Его теперь здесь нет! – перебил его Тит голосом, полным отчаяния. – Сегодня я, лишь только узнал, что девочка захворала, побежал тотчас же к своему брату Стефану, у которого всегда найдется добрый совет, и он тоже мне предложил найти Учителя. Мы искали Его всюду, пока наконец не услышали, что Он еще вчера переправился на другой берег озера. Очень возможно, что Он пошел теперь в Самарию или даже возвращается в Иерусалим. И я теперь не знаю даже, где можно Его отыскать!

– Все-таки я должен разыскать Его, – произнес Бенони, – раз мне приказано это. А вдруг Он с сегодняшнего утра опять пришел к нам в Капернаум?

– Как знаешь, Бенони! – ответил Тит, удрученный горем. – Но, если бы Он был здесь, Стефан бы давно мне сообщил об этом, так как я поручил ему стеречь Его и возвестить немедленно мне, если он что-нибудь узнает.

– А все-таки нужно сходить, – настаивал Бенони на своем. Но через час он возвратился, и по одному его виду можно было заметить, что все его поиски были безуспешны.

Глава 14. Воскрешение дочери Иаира

Часы медленно проходили один за другим. Наконец, наступила и ночь. Тит все еще оставался на своем месте и ждал известий от Стефана. Между тем, все находившиеся в комнате больной ясно понимали, что ангел смерти с каждой минутой подступает все ближе и ближе к девочке. Девочка лежала без движения, с неподвижными, будто остекленевшими глазами, и, если бы не слышно было ее тяжелого, прерывистого дыхания, ее можно было бы принять за умершую.

Мать на коленях стояла у ее ног и по временам судорожно закрывала свое лицо платком. С небольшими перерывами она целую ночь провела в молитве, причем часто приходили ей на мысль слышанные ею слова Учителя: «Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него».

И теперь сердце ее обливало горечью.

«Вот я молилась, — думалось ей, — искренне молилась, однако же Бог не услышал меня, и, несмотря на мои молитвы, дитя мое умрет. Сколько недостойных нищих исцелил Учитель, а моему невинному ребенку не поможет. Если бы Он действительно был Христос, Он знал бы, конечно, как больна моя маленькая Руфь».

Эти и подобные им мысли как в заколдованном круге роились в ее голове. От горя она пришла в исступление. Нако-

нец, она встала и быстро подошла к своему супругу, сидевшему у кровати больной. Она заговорила с ним торопливо:

– А что, если бы ты сам отправился разыскивать Назарянина? Не медли, мой дорогой! Очень возможно, что Он уже возвратился в наш город.

Иаир поднялся и, не сказав ни слова, немедленно вышел из комнаты. Было уже утро, и яркий солнечный свет заставил его на минуту прищуриться. На террасе расхаживал взад и вперед верный Бенони. Услышав шаги своего господина, он быстро обернулся, но вопрос замер в его устах – так сильно изменилось лицо Иаира.

– Ничего не слышно о Назарянине? – спросил с тревогой Иаир.

– Ни малейшего известия пока еще не получено, милостивый господин мой! – печально ответил Бенони, – Мы с Титом были уже несколько раз в городе, но ничего не узнали.

– Попробую теперь и я сам, авось мне удастся что-нибудь разузнать о Нем, – произнес Иаир. – А ты останешься, Бенони, на случай, если вдруг понадобится госпоже. А я возьму с собой твоего молодого садовника.

Тит уже чуть ли не двадцатый раз выходил на улицу и был уже почти уверен, что ему снова придется вернуться на свое место ни с чем, как вдруг до его чуткого слуха донесся шум чьих-то легких шагов. Он остановился и прислушался; через несколько минут в конце улицы показался Стефан, несшийся с быстротой ветра к дому Иаира. Увидев Тита, он еще из-

дали испустил радостный крик:

– Пришел!

Тит не стал больше ждать и крикнул только Стефану, чтобы он подождал у ворот, а сам ринулся через двор в сад и только хотел постучаться в калитку, ведущую во внутренний двор, как она сама открылась и показался хозяин дома Иаир.

– Исцелитель пришел в город! – воскликнул Тит, не ожидая даже, пока обратится к нему сам хозяин. – Сейчас только что мой брат принес об этом весть. Он стоит еще там, на улице, и сам сможет показать тебе, где найти Назарянина! Может быть, ты поручишь мне отправиться к Назарянину от твоего имени?

– О нет, паренек! – возразил Иаир, – я лучше сам пойду, а ты можешь сопровождать меня.

И они оба быстро вышли на улицу, где их ждал Стефан.

– По этой дороге можно скорее всего прийти к Нему, – сказал Стефан, поворачивая на ближайшую улицу. – Когда я о Нем услышал, Он только что высадился на берег и находился вблизи восточных ворот.

Все трое молча двинулись в путь. Иаир шел на несколько шагов впереди обоих юношей, как будто хотел непременно первым увидеть Учителя. Никогда еще дорога не казалась ему столь длинной. Он не мог сегодня различать ни улиц, ни домов, ни площадей... Аллеи, дворцы и хижины, амфитеатр и синагога – все сливалось для него теперь в одну массу, безразличную, серую.

Он уже больше двадцати четырех часов оставался без пищи и отдыха, и поэтому ему все казалось как бы окутанным густым туманом.

Наконец, они достигли восточных ворот.

– Что, Назарянин уже прошел здесь? – хриплым голосом спросил он у привратника.

– Нет еще! Он стоит на берегу и беседует с толпой народа, которая собралась вокруг Него, как только Он высадился на берег, – с этими словами привратник показал рукой на восток.

Все трое немедленно отправились к небольшому холму, который весь уже был занят народом. Подойдя к нему ближе, они могли различать теперь фигуру Учителя, стоявшего на небольшой возвышенности в середине толпы.

– Ради Бога, позвольте мне пройти, – умоляющим голосом проговорил Иаир, обращаясь к толпившемуся народу. – Мне непременно нужно видеть Учителя!

Толпа почтительно расступилась перед ним, так как многие из присутствующих лично знали Иаира, и, кроме того, всем было ясно, что он действительно нуждается в помощи Учителя. А Иаир, добравшись до Иисуса, пал к Его ногам и, умоляя Его, проговорил:

– Иисусе, Сыне Давидов, молю Тебя, малолетняя дочь моя лежит при смерти, но прииди, возложи на нее руку Твою, и она выздоровеет!

Тотчас же Иисус простер руку Свою к нему, поднял его с

земли и направился с ним к городским воротам. А толпа следовала за Ним и с каждой минутой увеличивалась. Каждый старался пробраться к Учителю поближе, в надежде услышать или увидеть от Него что-нибудь новое. Они медленно продвигались вперед, но вдруг Иисус остановился, обернулся назад и спросил:

– Кто прикоснулся сейчас ко Мне?

Никто не отвечал, так удивлены были все Его неожиданным вопросом. Но так как Иисус все еще стоял и ожидал ответа, то один из учеников Его, Петр, сказал Ему:

– Наставник, почему спрашиваешь Ты, кто прикоснулся к Тебе? Ведь народ окружает и теснит Тебя со всех сторон, и как можно знать, что кто-то коснулся Тебя?

Иисус ответил:

– Кто-то прикоснулся ко Мне, и я ясно почувствовал силу, исшедшую из Меня.

При этом Он обратил Свой взгляд на бедно одетую женщину, стоявшую возле Него. Она задрожала, приблизилась к Нему, упала перед Ним на колени и с трепетом проговорила:

– Учитель, прости меня! Двенадцать лет я страдала неизлечимой болезнью, и врачи не могли помочь мне. Все мое имущество я истощила на врачей и лекарства, но болезнь не только не прекращалась, а, наоборот, еще больше усилилась! И вот я подумала в сердце своем: кто знает, может быть, от одного только прикосновения к Твоему платью я выздоровею; так и случилось: как только я прикоснулась к краю Тво-

ей одежды, я сразу же почувствовала облегчение. И теперь я чувствую, что совершенно исцелилась!

Выслушав ее, Иисус поднял ее с земли и сказал:

– Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя, иди с миром.

В то время, когда Иисус стоял и разговаривал еще с женщиной, Иаир заметил вдали бежавшего к нему Бенони; одежда верного слуги в знак сильной скорби была разорвана.

– Господин мой! – воскликнул он, увидев Иаира. – Умерла дочь твоя, не утруждай Учителя!

Лицо несчастного отца сделалось вдруг бледнее полотна, он зашатался и, наверное, упал бы, если бы его не поддержал Сам Иисус.

– Не бойся, – кротко сказал Он Иаиру, – только веруй.

И затем, повернувшись к толпе, Он велел всем оставаться на месте, а Сам в сопровождении Иаира и Бенони направился к дому, где лежала умершая. Тит и Стефан также последовали за Ним, но только держались от Него в некотором отдалении.

– Наверное, теперь уже поздно, – с заметной горечью проговорил Тит своему брату. – Вот если бы эта краснбайка не задержала Учителя, Он бы вовремя пришел и спас нашу девочку!

– Зачем так говоришь, Тит? – заметил Стефан, – разве ты не слышал, как Учитель сказал Иаиру: «Не бойся, только веруй»? Вот увидишь, Он еще спасет ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.